

ЧК-ГПУ-НКВД

1. Оперативные органы

1. Структура

1930 год. В сельском районе был один уполномоченный ГПУ.

1933 год. В районах существовали районные отделения, состоящие из начальника и его помощника. На обязанности РО лежала борьба с контрреволюцией в целом в районе и в первую очередь в колхозах, где тогда свирепствовал голод.

Кроме того, при политических отделах МТС был штат заместителя начальника политотдела по работе ГПУ, на обязанности которого также лежала борьба с контрреволюцией в колхозах.

1935-1938 г. (Смоленская область)

В районах существовали районные отделения НКВД в составе: Начальника, одного-двух помощников и технического аппарата, состоявшего из секретаря и машинистки, состоявшие из: Управления Государственной Безопасности (УГБ) т.е. бывшего ГПУ, районного отделения милиции и уголовного розыска. В ведение НКВД входил паспортный стол, Запись Актов Гражданского Состояния, пожарное дело и дорожное дело. Кроме того при НКВД имелось два фельдъегеря для перевозки секретной почты. Начальником РО НКВД являлся чин УГБ. Кроме него УГБ состояло из одного-двух помощников начальника и технических сотрудников, секретаря и машинистки.

До введения званий в армии и НКВД начальник РО НКВД в качестве знаков отличия носил три "шпалы" (прямоугольника), т.е. то же что в армии носил командир полка. Его заместители носили две "шпалы". С введением званий они носили положенные им по званию знаки. Обычно начальник Райотделения имел звание младшего лейтенанта УГБ и носил три "кубика", его же помощники, если они имели звания сержантов, носили два "кубика". Если начальник (... *строчка неразборчива* ...)

По этой структуре званий УГБ, лейтенант носил одну "шпалу", старший лейтенант носил 2 "шпалы", капитан три "шпалы", майор носил "ромб".

Такова же структура была и на железной дороге, где при больших станциях имелись оперативные отделы НКВД для борьбы с контрреволюцией на станциях, в депо и на железнодорожных путях.

В воинских частях были особые отделы НКВД. Областное управление НКВД (т.н. УНКВД) имело около десяти отделов, в том числе: секретно-политический отдел, отдел по борьбе с экономической контрреволюцией, особый отдел (военный), отдел железнодорожного транспорта, пограничный отдел, и т.д.

2. Подбор и подготовка кадров

Если в 1930г. можно было встретить среди районных уполномоченных ГПУ беспартийных, то в 1935-38 году все работники УГБ, исключая, разве, машинисток, были коммунистами. Подбор производился с исключительной тщательностью. Главные качества требовавшиеся для энкаведиста – это совершенная преданность Сталину, высокая классовая бдительность, ненависть к врагам, жестокость и безжалостность. Каждый шаг всей прошлой жизни этого лица, вся его родословная до дедушек и бабушек, все его родственные связи до отдаленных степеней, как и дружественные связи, также тщательно проверялись. Обычно поступление на работу в НКВД было добровольным, но бывали также и мобилизации из отборных коммунистов с желанием которых считались не обязательно. Как правило, сперва поступали на низшие должности и затем продвигались вверх. Особенно быстро происходило продвижение в периоды массового террора, когда карьера зависела в первую очередь от умения "добыть" нужные показания от заключенных, а также от выполнения планов по "раскрытию" "заговоров". Существует целая сеть курсов для подготовки работников НКВД. Десятимесячные курсы проходят коммунисты мобилизуемые на работу в НКВД из студентов высших учебных заведений, коммунистических университетов и совпартшколы. Более кратковременные курсы существуют для повышения квалификации уже работающих сотрудников НКВД. На курсах наряду с техникой постановки шпионажа, ведения следствия, оформления документов изучается техника пыток.

Работа в НКВД является для коммунистов наиболее заманчивой особенно для любителей власти и почета. Эта работа наиболее высоко оплачивалась. Так, если председатель райисполкома получал в 1936 году 650 рублей в месяц, то начальник РО НКВД получал столько же. Кроме того получал за выслугу лет и прочие надбавки – итого тысячу-тысячу двести и больше рублей в месяц. Кроме того НКВД имеет огромные безотчетные суммы. Помимо этого энкаведисты получали хорошее обмундирование, а в периоды карточной системы имели наилучшее снабжение продовольствием и промтоварами вплоть до часов, патефонов, велосипедов и радиоприемников по удешевленным ценам. Не приходится говорить, что всё поступающее в районную торговую сеть шло в первую очередь для удовлетворения нужд энкаведистов.

Хотя энкаведисты, будучи членами партии входят в состав местной парторганизации, но кроме уплаты членских взносов, посещения собраний и соблюдения так называемой "партийной этики" они ни в какой мере ей не подчинены и неподотчетны. Наоборот, РО НКВД тайно контролирует и верховную власть района – районный комитет партии, как непосредственно через начальника РО НКВД всегда являющегося членом бюро райкома, так и через своих тайных агентов

обязательно имеющих среди работников райкома, следящих за каждым шагом секретарей райкома и прочих его работников и регулярно подающих сводки в НКВД.

Попав на службу в НКВД, человек уже не может уйти оттуда. В случае увольнения его, что может случиться лишь по таким мотивам, как неспособность к работе, или же невозможность его дальнейшего оставления на работе в виду непомерного пьянства или еще каких либо "этических" причин, он переводится на положение тайного сотрудника НКВД, находясь одновременно на гражданской службе, и периодически мобилизуется для выполнения разных заданий, особенно при массовых арестах. Но, как правило, энкаведисты не увольняются, а так или иначе уничтожаются. Помимо этого, периодически для поднятия бдительности в рядах НКВД "раскрываются" "заговоры" и участники этих "заговоров" уничтожаются. Немало их уничтожено таким образом в 1937-38г. Обычно же, чем выше чин НКВД, тем большему риску попасть в "заговорщики" он подвержен. Так за 1937-38 год сменилось по пять и больше начальников областных управлений НКВД. Все сменившиеся были арестованы за "слабую" борьбу с "врагами народа" или за "участие" "в к/р организациях". И все они были уничтожены после того, как "сознались" о своем участии в антисоветских "заговорах", точно также, как вследствие их усердия "сознавались" и истреблялись десятки тысяч их жертв.

3. Организация деятельности НКВД

Спец. отделы и спецсекторы.

В районном Совете депутатов, в городском Совете, в торговых и заготовительных органах, в банке, на почте, в Машинно-Тракторной Станции, на заводах в профсоюзах и даже в Сберегательной кассе и прочих учреждениях, предприятиях и организациях имеются специальные отделы, которые занимаются мобилизационными планами на случай войны. Через них получают и отправляются все секретные бумаги, только в них сосредотачиваются наиболее важные сведения о работе данного учреждения или предприятия, а также ими ведутся "личные дела" на каждого сотрудника учреждения или предприятия и работников всех нижестоящих учреждений. Всё положительное и отрицательное замеченное за тем или иным сотрудником, как равно и его деловые характеристики, награды и наказания, все это помещается в "личное дело" и оно постепенно "пухнет". Спецотделы подотчетны НКВД и получают от него инструкции. Заведующие спецотделами назначаются лишь после тщательной проверки их и санкции НКВД. Для этого они предварительно заполняют чрезвычайно длинные "спец. анкеты" и подвергаются длительной проверке посредством запросов по всему их жизненному пути. Таким образом спецотделы являются открытыми разветвлениями НКВД, а их работники его агентами, хотя официально таковыми и не числятся. Хотя НКВД периодически проверяет все "личные дела" и выбирает для своих черных списков все

материалы компрометирующие того или иного сотрудника учреждения или предприятия, зав. спецотделом не ожидая этого, обо всех компрометирующих данных сам обязан доносить.

В обязанности спецотдела почты входит, между прочим, выборочная проверка корреспонденции проходящей через почтовое отделение, а также изъятие и передача НКВД корреспонденции адресованной какому-либо адресату, согласно указаний НКВД.

Спецотдел сберкассы докладывает НКВД о размерах денежных вкладов отдельных граждан.

Все руководители учреждений, организаций и предприятий в свою очередь также обязаны сообщать в НКВД обо всём, что в какой-либо мере подходило бы под марку антисоветского. Так прокурор и судья обязаны в случае обнаружения в проходящих через них делах каких-либо признаков контрреволюции немедленно сообщать об этом в НКВД. В случае укрытия подобных сведений они рискуют сами оказаться объектами доносов со стороны своих сотрудников-тайных агентов.

Использование спецов и институт ответчиков.

ЧК-ГПУ-НКВД очень умело заставляет работать на коммунизм его врагов. Так в период гражданской войны офицеры царской армии были привлечены для строительства красной армии и командования ею. То же было сделано со "спецами" в промышленности, на железной дороге, в учебных и научных заведениях, в медицине, сельском хозяйстве.

Для "поддержания" работоспособности чуждых спецов часть их объявлялась саботажниками и пускалась в "расход", но за то остальные работали хорошо хоть не за совесть, но за страх.

В 1922-23 году (Киевская губерния) существовал институт "ответчиков". В число ответчиков входило примерно $\frac{1}{8}$ – $\frac{1}{10}$ часть населения из числа наиболее зажиточных а также неблагонадежных людей. Посреди села стоял столб на котором под стеклом висел закон об институте ответчиков гласивший, что за всякое антисоветское действие в чем бы то ни было проявленное на территории села, несут ответственность ответчики вплоть до их расстрела. Расстрел предусматривался также за хищение или порчу указанного закона, который население именovalo большевицким "богом". Этот "бог" день и ночь охранялся ответчиками и никто к нему не смел даже притронуться. Кроме того, они в порядке очереди каждую ночь обходили все закоулки села, следя, чтобы кто чего-либо не сделал, за что им пришлось бы расплачиваться. Эффект от этой хитрой меры был необычайный. Если раньше в селе бывали убийства и поджоги имущества большевицких деятелей, то с введением института ответчиков террор совершенно прекратился. Когда

же карательным группам ЧК удавалось обнаружить у кого-либо в селе винтовку или обрез, то одновременно с арестом владельца оружия, арестовывалась и подвергалась жестоким избиениям часть ответчиков, а кроме того, со всех ответчиков взыскивался громадный штраф в виде пшеницы, мяса, сала и т.д.

От понуждения служить себе людей числящихся чуждым элементом НКВД не отказывалось и во все последующие годы вплоть до войны.

Сеть осведомителей

Количество тайных осведомителей чрезвычайно велико. Каждый завод, колхоз, каждый дом, каждое учреждение, учебное заведение, школа, больница, церковная община – все кишит осведомителями. Даже в органах партии и власти насчитывающих всего по нескольку чиновников неизбежно имеются осведомители. Щупальцы НКВД проникли даже в семьи.

Состав осведомителей столь же разнообразен, как и состав населения. В числе их имеется немало охотников служащих за небольшую плату или попросту любителей специализировавшихся на доносах и готовых служить кому угодно. Имеется немало коммунистов и комсомольцев, хотя эти и не будучи специальными осведомителями обязаны доносить в порядке проявления классовой бдительности и партийной дисциплины. Очень много осведомителей было в среде людей числящихся в черных списках НКВД, т.е. "чуждых" и "неблагонадежных" как-выми считаются все: уцелевшие дворяне, бывшие владельцы фабрик, заводов, торговцы, в том числе и лотошники, офицеры старой и белых армий, полицейские, солдаты всех антисоветских армий независимо от длительности их службы (пусть один день) и причин поступления в армию (в том числе и мобилизованных), работники юстиции, чиновники старого времени, как и периода революции до прихода ко власти большевиков, бывшие сельские старосты и писаря, люди принадлежавшие когда-то к любой иной политической партии (в том числе и самым левым как напр. левые эсеры помогавшие большевикам захватить власть), бывшие кулаки, бывшие уклонисты от "генеральной линии" партии и вообще все исключенные из коммунистической партии или ушедшие из нее добровольно, все бывшие за границей когда бы то ни было и независимо от причин: в эмиграции ли, в плену, в командировке, люди имеющие родственников за границей, духовенство и активные верующие всех религий, все чистокровные пролетарии и деревенские бедняки, которые когда-либо проявили свое недовольство советской властью, выразившееся в обычном разговоре с соседом. Сюда же входят все когда-либо находившиеся под арестом, уже не говоря об отбывании наказания по приговору.

Из этой многомиллионной массы людей НКВД вербует себе любое количество осведомителей. Причем, чем более "чуждым" или "неблагонадежным" считается

человек и чем большая осведомленность об этом населения, тем больше шансов, что НКВД попытается поставить его себе на службу. Ни один бывш. дворянин, а тем более человек княжеской, или графской и др. подобных фамилий, ни один бывший офицер, или чиновник, ни один бывший член какой-то политической партии, или какой-либо депутат государственной думы, член учредительного собр., какого-то управления не останется нетронутым. В равной мере это касается мужчин и женщин, а также членов семейств.

Техника вербовки осведомителей следующая: вызывают человека в НКВД, предпочтительно вечером и предлагают ему доказать свою лояльность советской власти службой в качестве тайного осведомителя. Обычно вызванный начинает всячески отговариваться. Тогда энкаведист ссылаясь на Ленина и Сталина разъясняет, что нейтральных граждан в СССР не может быть, что каждый человек может быть или с властью (на словах и на деле) или же против нее.

Иногда дебаты затягиваются на целую ночь, а то и на сутки. (В таких случаях энкаведисты сменяют друг друга). Очень часто в качестве убедительных "аргументов", каковыми стараются склонить человека к "согласию" стать осведомителем, применяются избиения. Одним из могучих средств в руках НКВД являются угрозы по адресу семьи. Человеку объясняют, что он находится в числе живых на воле, а не в тюрьме или в концлагере не потому, что его не за что было расстрелять или посадить, а исключительно благодаря доброй воле НКВД, надеявшегося на его "исправление" и "честную" службу. Но поскольку он "обманул" доверие НКВД значит с ним разделаются "по заслугам", т.е. его арестуют и если не расстреляют, то отправят в концлагерь, а кроме того репрессируют и его семью. Если и этого рода "уговоры" не действуют, тогда ему дают подписать его отказ гласящий: "Я такой-то даю настоящую подписку в том, что я отказываюсь помогать органам НКВД в их борьбе с контрреволюцией в таком-то учреждении, предприятии, колхозе, совхозе и т.д."

Человек ставится в совершенно безвыходное положение и часто подписывает такого рода отказ, каковой дает основание НКВД уже не отпускать его на свободу, а объявив "врагом народа" арестовать и давать делу "законный ход". Немногие могут отвертеться, чтобы не дать "согласия" на помощь в борьбе с к/р. Давший "согласие", т.е. смалодушествовавший, или же не решившийся ставить под угрозу семью, дает уже другую подписку, обязуясь честно служить НКВД. Тут же ему присваивается кличка. Случается что какому-либо счастливцу удастся как-то увернуться от ареста и службы НКВД и он желая предупредить своих знакомых из числа "чуждых", поделится с ними о том, что с ним было. Будучи уже осведомителем, кто-либо из них поспешит донести в НКВД об этом предупреждении, предполагая в своем друге провокатора подосланного НКВД для проверки

исправности несения им осведомительной службы. В таком случае счастливцев определенно пострадает и не рад будет своему отказу.

Смысл вербовки этих людей в том, что как вполне правильно рассчитывает НКВД, их знакомые – "чуждые", да и не чуждые, предполагая в них людей настроенных антисоветски, могут перед ними развязать языки, чего не может случиться перед другими, в особенности перед коммунистами, комсомольцами, разными активистами, заслуженными. В результате, нередко жертвой доноса осведомителя из "чуждых" падают коммунисты. Естественно, что если осведомитель может притвориться, что пропустил мимо ушей замечание не совсем надежной, с точки зрения власти, личности, то замечание коммуниста он не может пропустить, предполагая в нем провокацию.

Работа осведомителей

Будучи завербован добровольно или силой, осведомитель предполагает, что его роль будет чисто механической и пассивной, что ему предстоит лишь сообщать в своих регулярных сводках о тех разговорах, которые он услышит, или же о тех или иных действиях могущих рассматриваться как антиправительственные. Однако, он скоро убеждается, что это не так. Волей неволей продав свою душу, он должен будет играть весьма активную роль выполняя любые задания НКВД. Ему дадут задание найти вредительство и он должен будет подглядывать и вынюхивать, что бы могло подойти под "вредительство". Его будут заставлять вести провокационные разговоры со своими ближайшими друзьями и родственниками и, конечно, доносить об их отзывах. Не донести нельзя, ибо они тоже могут оказаться осведомителями и в таком случае донесут о его разговорах. От него будут требовать поставлять заведомо ложные доносы на то или иное лицо, на которое нужно создать "обвинительный материал". Об отказе от такой роли нечего и думать. Человек, если он даже добровольно поступил в осведомители, оказывается совершенно поработанным и вовсе не может распоряжаться своими поступками. Если он отказывается исполнять приказы своих хозяев его любыми мерами, в том числе и избиениями, заставят делать это. Если он продолжает упрямствовать – создадут "дело", арестуют и уничтожат, или пошлют на каторгу. Для этого не нужно и суда, в НКВД есть свой суд. Скрыться не так то легко, так как за каждым осведомителем по заданию НКВД следят другие осведомители, не подозревая, что он их коллега.

Посредством осведомителей особенно из числа "чуждых", НКВД постепенно удалось проникнуть в душу наиболее замкнутых, осторожных и молчаливых людей. От глаза НКВД не ускользали ни иконы, ни священные книги, которые кое-кто еще хранил, ни то какво было выражение физиономии у человека при "добровольной" подписке на заем, ни степень усердия его при рукоплесканиях по

адресу Сталина, уж не говоря об отношении к казенной работе (а работа то у каждого только казенная).

Духовенство в своей массе еще держалось довольно стойко и сплоченно и еще существовали кое-где пасторские курсы, ГПУ пропихивало своих безбожных агентов на эти курсы и они впоследствии становились диаконами и священниками, входили в доверие к наиболее стойким священнослужителям и опутывали их доносами. По мере же усиления репрессий немало нашлось и среди действительных священников таких, которые не выдержав "физических методов воздействия", а также в страхе за свои семьи, вынуждены были становиться осведомителями НКВД.

К священникам-осведомителям ради проверки их верности НКВД, а также к священникам свято блюдушим свой сан и не сдающимся, несмотря на угрозы и "физическое воздействие", иногда подсылались на исповедь провокаторы "сознающиеся" в замыслах убить Сталина и о др. антисоветских делах или "просившие" благословения для совершения подобных актов. Являясь советским гражданином, священник обязан был донести в НКВД, ибо в случае недоносительства, на основании законов он должен был сам понести жестокую кару. Но как священнослужитель он должен был хранить в тайне все что говорилось на исповеди. В результате ему НКВД "пришивало" дело и как "врага народа" уничтожало, или же заставляло служить себе. Наряду с истреблением священников среди остающихся все больше возрастал процент агентов НКВД, в том числе и специально "командируемых" безбожников, как для сыска так и для компрометации и разложения изнутри рядов духовенства.

Если НКВД не удастся обзавестись хорошими осведомителями в каком-либо учреждении, предприятии, школе, им ставится вопрос перед вышестоящими руководящими органами, напр. Отделом народного образования, о необходимости "перебросить" туда "такого-то". Зачем эта переброска нужна Зав учреждением не спрашивает и не смеет спрашивать. Он может лишь догадываться. Но обычно в таких случаях НКВД действует обходными путями через председателя Райсовета, или через Райком партии, которые под разными предлогами велят тому или другому учреждению сделать соответствующую переброску.

НКВД – главный контролер и пугало в руках Сталина

Абсолютно вся жизнь в стране контролируется органами НКВД, начиная от армии и работы партийных организаций и кончая частными вечеринками, семейной жизнью и тем какую одежду кто имеет или что ложит в горшок на обед. Проведение целого ряда важнейших государственных мероприятий доверяется исключительно НКВД. Так напр. никакие органы не могли бы произвести изъятие золота у населения в столь полной мере, как это могло сделать ГПУ. Лишь ГПУ через

свою осведомительную сеть могло учесть у кого еще сохранилось венчалное кольцо, золотые серьги, крестик, часы, ложечка или монета. И только оно, имея в своем распоряжении тюрьмы, приспособленные для пыток, подвалы и перво-классных мастеров-палачей, было в состоянии заставить "несознательных" граждан отдать не только то, что у них в действительности было, но "сознаться" в том чего и не было, а также и соседей оговорить.

Выполнение любого заводского плана проходит под строгим контролем НКВД, как по количественным показателям, так и по качеству продукции.

То же на железной дороге и на всех видах транспорта.

То же в сельском хозяйстве. Выполнение планов сева, многочисленных заготовок (то же самое по количественным и качественным показателям) контролируется НКВД. Райисполком и райком партии, имея разрешение от вышестоящих органов дать очковтирательскую сводку или рапорт в целях подтягивания отстающих районов, все же не рискнут это сделать, не согласовав вопрос с РО НКВД.

Но НКВД отнюдь не остается пассивным контролером, а играет огромную роль в деле выполнения различных планов. Для этого оно терроризирует руководителей сельсоветов, колхозов, бригадиров; подвергает аресту разнообразных "саботажников" и "вредителей". Кроме того умело использует особенно влиятельных людей из числа крестьян, числящихся в черных списках. Эта практика имела массовое применение в период коллективизации и голода. Заключалась она в том, что такой особенно-влиятельный и авторитетный человек вызывался в ГПУ, а если надо то временно арестовывался и подвергался "психической" и "физической" обработке и обязывался под страхом смерти, или каторги (для него и семьи) убедить односельчан чтобы они вступали в колхоз или сдали последний хлеб, или шли работать, будучи сами при смерти от голода.

Довольно распространенным являлся провокаторский метод "кулацкого убийства" какого-нибудь мало значащего селькора – комсомольца или партийца. Это "кулацкое убийство" выполненное руками ГПУ давало основание для многочисленных арестов и расстрелов крестьян и способствовало выполнению планов хлебозаготовок, коллективизации и прочих государственных заданий. Особенно часто применялся этот прием в период 1930-33г.

Массовый террор как средство для воспитания послушности и податливости народа.

К 1930 году народ так уже был опутан паутиной ГПУ что Сталин рискнул вступить в открытую войну с народом, применяя, конечно, хитрую тактику его расчленения. 15-20% и больше всех крестьянских дворов на Украине подверглось раскулачиванию. Около половины из числа раскулаченных подвергались выселению. Каждый районный уполномоченный ГПУ получал точное задание о

количестве подлежащих выселению. Совместно с партийным комитетом и райисполкомом намечались лица, которым поручалось проведение выселения по каждому сельсовету и им давались списки подлежащих выселению. Сама операция по выселению тогда была произведена руками местных коммунистов и активистов-участников раскулачивания.

В дальнейшем ни одно мероприятие власти не обходилось без массового террора.

Каждой кампании, в том числе и распространению займа, а также праздникам 1 мая и Октябрьской революции (7 ноября), как равно принятию сталинской конституции и всем выборам в Верховные советы обязательно предшествуют массовые аресты людей числящихся в неиссякаемых, непрерывно пополняемых черных списках, что делается для того, чтобы запугать народ, впрыснув ему очередную дозу страха и сделать его более податливым и послушным. Количество подлежащих "изъятию" назначается сверху из областного управления НКВД, получающего в свою очередь задание от комиссариата, а последний из Кремля.

Аресты производились внезапно в одну ночь. О подготовке их никто, конечно, не знал. РО НКВД тайно предупреждало все учреждения и предприятия, чтобы они представили ему вечером свои грузовые и легковые автомобили. К указанному времени в НКВД собирались его секретные агенты (речь идет не об осведомителях, а о тайных сотрудниках), мобилизовалась милиция и уголовный розыск и машины разъезжались по установленным адресам. Обычно люди намеченные к изъятию буквально хватались, им не давали ни минуты на сборы. В случае таких единовременных массовых арестов, когда в КПЗ (камерах предварительного заключения) имеющихся при каждом РО НКВД, места не хватало, людей временно помещали в какой-либо заранее подготовленный подвал, а до утра их отправляли в межрайонные тюрьмы. Разверстка по изъятию на район была разная. Так напр. перед окончательным завершением коллективизации в 1935 году X-ского района было изъято 270 человек. Меньше 50 человек не изымалось даже перед самой незначительной компанией. Перед распространением займа обычно изымалось около 100 человек на район.

Конечно никакая "добровольная" подписка не заем была бы не мыслима без НКВД. Арест нескольких человек авансом по каждому сельсовету служил предупреждением для всех колеблющихся насчет подписки. В результате боязнь оказаться "агитатором", "срывщиком" или "саботажником" понуждает каждого деланно с "веселым" лицом подписываться да еще и других уговаривать. Кроме таких эпизодических изъятий НКВД производило бесконечные аресты в порядке текущей работы, "раскрывая" и "разоблачая" отдельных лиц или целые группы действительных или фиктивных противников антинародных мероприятий власти,

руководствуясь указаниями Сталина о том, что врагами все засорено, что их нужно найти, а поскольку найти не удастся, то приходится их изобретать.

Каждый человек подавший свой голос устно или письменно в виде жалобы (в том числе Калинин у или Сталину) против притеснения церкви, неминуемо арестовывался и если не уничтожался то шел на каторгу. Эта участь постигала всех до единого членов церковных двадцаток. Если на их место становились новые, то это были люди сознательно идущие на исповедничество и они также погибали один за другим. То же делалось с причтом церковным. Эта борьба заканчивалась тем, что уже не находилось больше людей сознательно готовых идти на гибель. Церковь оставалась без церковной двадцатки и пастыря и закрывалась. Не было нужды даже оформлять ее закрытие посредством подписей верующих. Здания церквей и все их имущество, согласно советских законов, принадлежали государству дающему право церковным общинам временно пользоваться ими. На основании этого закона церковная община обязывалась поддерживать здание в полном порядке, своевременно производя необходимый ремонт. Однако НКВД зорко следило за тем, кто проявляет заботу о поддержании здания в порядке и изымало этих людей. Когда уже не было смельчаков готовых на смертельный риск и здание постепенно запускалось, тогда приезжала "техническая комиссия" и закрывало здание как "варварски эксплуатируемое", или запущенное вследствие "отсутствия" людей заинтересованных в ремонте.

Вербовка миллионов каторжников и самосохранение власти тиранов.

В первые годы с помощью попутчиков большевики уничтожили явных врагов своего владычества.

Вслед за тем они уничтожили предполагаемых врагов, в том числе и попутчиков, вне зависимости от их лояльности и даже преданности Советам и от их заслуг. Для этой цели органам ГПУ-НКВД поручалось инсценировать бесконечные "заговоры".

То же было сделано и с внутривластной оппозицией также причисленной к числу "врагов" советской власти.

С убийством Кирова был нанесен окончательный удар по остаткам всех этих категорий людей. Сразу после убийства Кирова для устрашения народа было расстреляно во всех больших городах огромное количество "бывших" людей, списки каковых были опубликованы тогда же в газетах. Кроме того в течение одних суток были изгнаны из всех больших и значительных городов сотни тысяч людей (лишавшихся всего своего имущества) и отправлены в ссылку или же заброшены в глухие провинциальные места. Были установлены 100-километровые и 300-километровые зоны от больших городов и 100-километровые зоны от границ, в

которых, под страхом смерти запрещалось проживать всем людям оказавшимся в черных списках НКВД (см. выше).

Для истребления или отправки на каторгу этих людей, по прежнему, но в значительно больших масштабах, инсценировалось раскрытие "антисоветских заговоров". Одних "убийц" Кирова насчитывались многие тысячи, в чем они "чисто-сердечно" "признавались".

К июню 1937г. т.е. ко времени издания тайной директивы за подписями Сталина и Молотова об окончательном искоренении всех уцелевших еще чуждых элементов, бывших попутчиков, бывших оппозиционеров внутри партии и многих других "чуждых и неблагонадежных", этих людей оставалось совсем ничтожное количество. Так по целой области насчитывающей более 3 миллионов населения уцелел один почти 90-летний царский генерал и 27 царских офицеров. Почти все эти люди в период гражданской войны командовали частями красной армии, многие имели ранения и получили боевые награды. В последующие годы они активно и честно работали в разных отраслях хозяйства, или культуры и в большинстве находились на тайной работе НКВД. После указанной директивы Сталина и Молотова все они были арестованы, сведены в так называемую "повстанческую офицерскую группу" якобы руководимую упомянутым генералом, почти все посредством пыток "признали" себя виновными и были уничтожены, или отправлены на каторгу. Точно также по целой области сохранилось всего около двух десятков бывших эсеров, а меньшевиков, сионистов и бундовцев уцелело и того меньше. Все они также были сведены в разные "террористические", "повстанческие" и "шпионские" группы и уничтожены, не смотря на их безусловную лояльность к большевикам и верную службу им, из-за чего, собственно, их и держали так долго на свободе. Но по миновании надобности и в целях самосохранения власти все эти люди истреблялись.

Однако, таким "очищением" верноподданных от людей чем бы то ни было и когда бы то ни было запятнанных большевицкие диктаторы не могли ограничиться. Это, во первых объяснялось тем, что им требовалось колоссальное количество дополнительных дармовых рабочих рук кроме тех, которые миллионами гибли на стройках в тундре, пустынях, в тайге. Во вторых тем, что чем больше проливалось крови тем больший страх перед своими жертвами овладевал тиранами. Поэтому, было запланировано "раскрыть" несколько миллионов новых "заговорщиков", независимо от того, кто они, какого происхождения, какова была их роль в строительстве советского государства, каковы их заслуги и награды. Поскольку же советская действительность как небо от земли была далека от демагогических лозунгов коммунистической программы и от сталинской конституции, решено было убрать всех тех чьими руками была завоевана власть, кто еще верил в идеалы свободы и равенства и имел право спросить "за что боролись?" В связи

с этим были распущены общества старых большевиков, бывших политкаторжан и политссыльных. Таким образом старые большевики не только лишались всех своих бывших привилегий, но им выражалось явное недоверие.

Разумеется в план истребления "врагов народа" входило окончательное уничтожение незначительных остатков старой интеллигенции и замена ее новой выращенной Сталиным по своему образу и подобию. Подлежали истреблению также и те, чьими руками были проведены такие мероприятия, как коллективизация, раскулачивание и организация голода. Эти люди слишком много знали, имели немалую силу и влияние, особенно будучи связаны между собой многолетней дружбой, что считалось небезопасно для Сталина. Поэтому решено было убрать всех от наркомов и членов ЦК партии, до районных, а в значительной степени заводских и сельских работников – партийных, советских и прочих, а также уничтожить генералитет армии и огромные офицерские ее кадры. Это было особенно необходимо в связи с предусмотренным окончательным закрепощением всего народа, каковое и завершилось законом от 26 июня 1940 года, а также предстоявшими войнами, которые могли пройти благополучно, как, по-видимому, считали в Кремле, лишь в том случае, если все влиятельные и авторитетные люди будут истреблены и будет совершенно устранена всякая возможность сговора даже между двумя командирами или чиновниками.

Как известно, тогда политбюро ЦК создало невообразимый шум вокруг якобы сплошь покрывших страну "заговоров", призывая партию, всю советскую общественность и "народ" проявить как никогда свою "бдительность".

Донос, клевета и провокация всегда являвшиеся верным оружием в руках НКВД, в указанный период нашли свое широчайшее применение. Взаимная подозрительность охватила миллионы коммунистов и "непартийных большевиков". Люди без зазрения совести доносили друг на друга, клеветали, провоцировали. Одни пробивали этим себе карьеру, другие сводили личные счеты, третьи пытались оградить себя показной бдительностью и благонадежностью, четвертые будучи правоверными коммунистами всерьез веря в "заговоры", искали их и "находили" на каждом шагу в своем окружении и с ужасом видели надежную опору власти лишь в самих себе.

Эта психическая эпидемия подогревалась и разжигалась пропагандой свыше. Как никогда взаимное уничтожение стало модой. Немало находилось людей, которые со сладострастием охотников выслеживали своих ближних и сочиняли для них обвинения. Чем большее количество "врагов" "разоблачил" тот или иной "бдительный" партийный или непартийный большевик, тем он был почетней, тем быстрее он продвигался по службе. Особенно рьяные получали разные награды и ордена. Правда, НКВДисты часто, просто из зависти, и этих своих вернейших помощников уничтожали, ибо никакая личность сама по себе не имела и не имеет в

СССР никакой цены. Ценность каждого определяется тем же что и ценность коровы, лошади, или сторожевой или охотничьей собаки, т.е. пользой для властителей.

Никто не мог больше прикрыться правилом "моя хата с краю", как бы он не был далек от политики и партии. Ни один служащий, ни один учитель или инженер не мог остаться в сторонке чтобы не занять совершенно ясную позицию и не показать с кем он – "с врагами народа" или "против врагов народа". Точно так же рабочий и колхозник обязаны были показать свое "политическое лицо". Если на собрании завода или колхоза ставилась на голосование резолюция требующая расстрела арестованных руководителей завода, района или колхоза, или же рядовых рабочих и колхозников, то перед каждым стоял прямой вопрос, или же голосовать за расстрел или же голосовать против. Воздерживание как и голосование против рассматривалось как солидарность с "врагами народа" и влекло за собой арест.

НКВД как никогда пожинало богатую жатву. На него работали уже не только осведомители, а огромные массы коммунистов, комсомольцев, командиров красной армии, служащих и интеллигенции. Наибольшая доля людей стоявших в стороне от активной помощи НКВД находилась среди "темных" и "несознательных" колхозников (единоличников давно уже не существовало) не растерявших еще остатков христианской нравственности, а также среди фабрично-заводских рабочих. Те и другие находились в рабстве и их "карьера" не могла ухудшиться от их пассивности. Редко кто из среды простых людей, души которых меньше всего "просвещены" коммунистической пропагандой, верил в существование "заговоров". Они больше всех ощущали на своей шкуре "отеческую заботу", больше других понимали, что каждый шаг власти окутан ложью, и так привыкли видеть противоположность слов и дел, что уже давно перестали удивляться этой лжи. Бесчеловечная эксплуатация, материальная нужда, постоянный страх и потеря всякой надежды не только на уничтожение коммунистической власти, но на какое бы то ни было облегчение своей участи – вот главные условия жизни подавляющего большинства народа. Люди с каждым днем убеждались, что их будущее будет становиться все более тяжелым и беспросветным.

Это был период когда все до единого граждане СССР трепетали от ужаса перед НКВД не будучи уверены в завтрашнем дне. Конечно трепетали и сами энкаведисты, зная что за "слабую борьбу с врагами народа", т.е. за слабое выполнение планов "набора" "врагов народа" им грозит расправа. Поэтому, если у них не хватало кандидатов для ареста, на которых уже поступили "улики" добытые от ранее арестованных, они арестовывали первых попавшихся и те, припертые посредством пыток, сами давали на себя достаточный обвинительный материал чтобы пополнить ряды каторжников.

Можно приводить бесконечные примеры показывающие причины арестов без улик со стороны ранее арестованных и "сознавшихся".

Вот некоторые из них: людей арестовывали за то, что у них когда-то кто-то видел какую-либо советскую книгу или газету содержащую статью человека оказавшегося к тому времени врагом народа. Арестовывали даже за то, что человек спрашивал в библиотеке подобную книгу. Во всех без исключения районах по плану свыше были созданы "дела" по обвинению работников ЗаготЗерно за "вредительское" хранение зерна на складах. Всюду эти работники "сознались" и были приговорены к разным срокам заключения или расстрелу. Громадное количество трактористов и шоферов, председателей колхозов, бригадиров, колхозников, инженеров, рабочих и служащих было арестовано за "вредительство". Напр. рано или поздно косил сено или хлеб, вырастил плохой лен. Слишком мелко или глубоко пахал, слишком редко или густо сеял, или же сеял слишком рано или слишком поздно. Не уберег теленка, жеребенка, поросенка, цыпленка. Слишком много расходовал горючего или смазочного. Попортил плуг, напоровшись на подземный камень, "допустил" порчу станка, в результате получилось невыполнение дневной нормы. Допустил высокий % брака, не выполнил производственный план, или выполнил его не по всем показателям, и так без конца. Т.е. каждая недоделка, каждый промах, ошибка, недосмотр – все это квалифицировалось как контрреволюция. Телефонисток арестовывали за плохую слышимость телефонов. Скульпторов за то, что сделанные или много лет назад бюсты вождей давали трещинки. Художников за то, что портреты вождей имели какое-то несходство. Учителей за какую-то антисоветскую "крамолу" якобы допущенную при преподавании, или же улыбку, сделанную не в положенном месте при чтении чего-то и т.д. Кооператоры арестовывались за продажу дефицитных товаров чуждым элементам, железнодорожники за мельчайшие неполадки на железной дороге.

Все работники статистики были арестованы за то, что при переписи населения в начале 1938 года 80% населения записалось как верующие. Огромное количество людей было арестовано за анекдоты, за неосторожность с портретом Сталина, за употребление в уборной газеты с его портретом или портретами других вождей, за получение от родственников из-за границы денег или посылок, если это даже происходило много лет тому назад. За переписку с родственником, находящимся за границей – в Америке – ли Польше, Франции, Германии и других странах. За песни, за хранение спичечных коробков, где на изображении пламени имелось подобие профиля Калинина, или же за тетрадку, где на обложке изображено три богатыря и якобы имелись таинственные знаки. За хранение икон или крестов, где имелось старинное изображение свастики, за хранение орденов и медалей царского времени, как и за самую награду ими. Страшным преступлением было хранить портреты царей и прочих "бывших" людей и даже книг с их изображениями, так равно с портретами Троцкого, Зиновьева, Бухарина и проч. врагов

народа, за что виновник неизбежно подвергался аресту. Причиной ареста служило всякое недовольство каким-либо советским законом, выраженное хоть одним словом, или напр. заявление человека о том, что ему когда-то лучше жилось чем нынче. После выборов в Верховный Совет арестовывались не явившиеся на выборы или же подозреваемые в том, что голосовали "против". Если подозреваемых не было, то арестовывались любые, так как сверху было приказано "раскрыть" эту категорию "врагов народа". Ну и, естественно, любой арестованный не только "признавался", что голосовал "против", но что и других убеждал. В результате наматывался новый клубок лжи, а в след за тем новых арестов и новых "признаний". Арестовывались все пытавшиеся в первые годы революции уехать за границу, но не успевшие или раздумавшие. Всем этим лицам предъявлялось обвинение в шпионаже.

Важно отметить, что ни один рабочий, который еще в 1905 году высказывался против забастовки на своем заводе, не оставался на свободе, не смотря на его последующее участие в революции 1905 и 1917 года и большие заслуги перед партией. Такие люди объявлялись "провокаторами" и неизбежно расстреливались.

Среди коммунистов и комсомольцев находились изредка чудаки, которые из-за своей искренней преданности коммунизму или же из страха, на своих собраниях в чем-либо каялись, напр. в каких-либо разговорах происходивших несколько лет назад и неодобрительно отзывавшихся о раскулачивании или же в том что они скрыли что за границей имели родственников, или же имели родственников когда то репрессированных советской властью. Такие люди немедленно исключались и подвергались аресту, как особо опасные враги "обманувшие" доверие и "пробравшиеся" в контрреволюционных целях в партию или комсомол. Энкаведисты арестовывали зубных врачей за отказ ставить им за свой счет золотые зубы и те потом "признавались" в контрабанде или шпионаже, или терроре. Девушки арестовывались из-за отказов в любовных связях с энкаведистами. Многие арестовывались просто потому, что их физиономия не нравилась агентам НКВД. И почти все без исключения неизменно "признавались" в "замыслах", "заговорах", "покушениях" и т.д.

Арестовывались больше всего здоровые мужчины, но волна захватывала не мало и старых, и малых, и слепых и калек и женщин с грудными детьми и беременных. Коммунистов и всяких руководящих работников кроме прочих преступлений арестовывали за "примиренчество" к "врагам народа", являвшееся одним из самых страшных "преступлений". Врагом народа считался всякий кого арестовали. Его же семья становилась отверженной, подвергалась травле, преследованиям, издевательствам. Многочисленны были аресты целых семейств. На протяжении одного года (с середины 1937 по середину 1938 г) по области было арестовано около 100 тысяч человек.

Аресты продолжались то тех пор, пока был выполнен и перевыполнен план "заготовки" "врагов народа" и уничтожены руководящие кадры, будучи замещены новыми.

Между органами НКВД велось социалистическое соревнование по искоренению "врагов народа". Соревновались также между собой палачи НКВД, стараясь быть подлинными "стахановцами" на своем поприще.

Все народные комиссариаты (министерства), все партийные советские и прочие органы от республиканских и ниже подвергались жестокой критике в печати за их засоренность классовыми врагами, за близорукость, бездеятельность, допущение вредительства и прочие грехи. А когда нужно было в глазах народа на кого-то сваливать вину за "перегибы", тогда их громили за перегибы. Одно лишь НКВД оставалось неприкосновенным. Ни слова никогда нельзя было прочесть о его "недогибах" или "перегибах". Это был непогрешимый орган. И если партия лишь в целом как некоторое абстрактное понятие считалась непогрешимой, а конкретно существующие местные парторганы и даже отделы самого ЦК критиковались, то самый захолустный орган НКВД или его работник был вне открытой критики. Поэтому, достаточно было кому-либо не только поругать НКВД, но даже вежливо и осторожно сказать, что оно ошиблось, чтобы быть арестованным. Это единственный орган, который "не ошибается", как и Сталин – его непосредственный и единственный хозяин. Если партийный комитет требовал отчет от всех прочих организаций и учреждений, то НКВД ни перед кем не отчитывалось кроме своего начальства. Даже само наименование этого заведения нельзя было произносить без риска и, поэтому, слово "НКВД" даже в официальных выступлениях и переписке заменялось словами "соответствующие органы".

Техника арестов.

Как видно из вышеизложенного, статья конституции о неприкосновенности личности является издевательством над личностью.

Аресты производятся в любое время, но больше всего ночью. Арестованному иногда предъявляется ордер на арест, а иногда не предъявляется. Это является пустяковой формальностью и никакого значения не имеет. Люди арестовываются дома, на улицах, в дороге, на заседаниях разных правительственных и партийных органов, на конференциях, собраниях, на курортах, в театрах, в гостях. Санкция прокурора для производства арестов предусмотренная советскими законами является также пустой формальностью и далеко не всегда применяется. Прокурор, как и суд, находится в полной зависимости от НКВД и подпишет любое количество ордеров на арест "не глядя", и не смея спросить за что люди подвергаются аресту. Сами прокуроры и судьи не были гарантированы от арестов и в 1937-38 году почти не осталось ни одного прокурора или судьи, который не был бы

арестован. (На место же арестованных назначались другие коммунисты, как правило, не имеющие понятия о юстиции).

У лиц, подвергнутых аресту, обязательно производится личный обыск. Причем, изымается все кроме имевшейся на них одежды, т.е. бумажник с документами, часы, нож, очки, бумага, карандаш, галстук, пояс, булавки, а часто и носовой платок. Кроме того, производится тщательный обыск в квартире, где проверяется все до последнего угла и щелочки. Часто вскрывается мягкая мебель, и ватная одежда, срывается пол, разламываются стенки, проверяется каждая книжка по одному листу. Все книги дореволюционного и многие советского издания изымаются. Забирается вся переписка независимо от того кто из семьи и с кем ее вел, все тетради и записки составленные рукой арестованного, независимо от их содержания, все групповые фотокарточки а также снимки разного рода "чуждых элементов", как напр. духовных лиц, офицеров или чиновников старого времени, священные книги и т.д. Разумеется, конфискуется всякая обнаруженная ценность. Во время обыска все находящиеся в квартире посторонние лица остаются прикованными к месту и часто подвергаются личному обыску. Соблюдая требуемую формальность, составляется протокол обыска куда заносятся изъятые вещи, при чем, указывается лишь количество их напр. "изъято книг столько-то, тетрадей столько то, фотокарточек столько-то" и т.д.

Изъятые вещи укладываются в хозяйский мешок, наволочку, или простыню и, будучи унесены энкаведистами, не возвращаются хозяину, если он даже и освобождается из-под ареста.

Обычно этот узел отправляется тому органу НКВД, который будет вести следствие по делу арестованного. Таковыми являются окружные или областные управления. Там вещи подвергаются сортировке. То, что может быть присовокуплено к делу для обвинения – прилагается к делу, ценности идут в казну, книги отправляются в печку, или разбираются энкаведистами. Переписка особенно интимного характера напр. между мужем и женой, прежде всего служит для развлечения энкаведистов и их издевок над арестованным, а потом, если в них не содержится "контрреволюции", идут в мусорный ящик, то же фотокарточки и иконы. Из документов не могущих иметь значения для обвинения обычно сохраняется лишь паспорт, остальные же, в том числе документы об образовании, уничтожаются. Все это делается потому, что во-первых всякая личная собственность считается буржуазным пережитком, а во-вторых потому, что судьба арестованного предначертана еще до ареста. И лишь немногие через много месяцев или ряд лет будут освобождены, опять-таки по плану для показа народу, что мол "все" невиновные освобождаются, а "все" "виновные" получают кару "по заслугам", хотя вся их вина заключается лишь в том, в чем был виновен ягненок попавшийся волку на водопое, согласно Крыловской басне.

Предъявление обвинений.

Обычно обвинение в письменном виде предъявляется арестованному во время первого вызова из тюрьмы в НКВД. Но таковой вызов в большинстве наступает через несколько недель, а иногда и месяцев. Многочисленны случаи, когда обвинение, как и ордер на арест, вообще не предъявляются. В обвинении вовсе не указывается состав преступлений. В нем лишь перечисляются пункты статьи 58 указывающие на характер преступлений, как напр: пункт 6 (шпионаж), п. 7 (вредительство) п. 8 (террор против вождей партии и правительства), п. 9 (диверсии), п. 10 (антисоветская агитация), п. 11 (принадлежность к подпольной организации) и т.д.

Записанные в обвинении пункты отнюдь не свидетельствуют о совершенных преступлениях, а служат лишь указанием какие "преступления" должен будет придумать для себя арестованный, чтобы оправдать свой арест, подтвердить непогрешимость НКВД, и обеспечить себе смерть или каторгу. При таком положении решительно не имеет значения предъявляется ли такого рода обвинение, или же нет. Лишь наивные люди, верящие в действенность советских законов предусматривающих обязательное предъявление обвинений еще в короткие сроки, будучи арестованы и, считая, что с ними произошла ошибка, требуют предъявить им обвинения. Но они очень скоро познают действительные причины, вернее цели их ареста.

Тюрьмы и режим в них.

Играя в гуманность, коммунистические правители сперва говорили, что лишь в капиталистических странах тюрьмы являются местом кары, в советском же союзе нет такого позора, преступники не караются, а "перевоспитываются". Поэтому тюрьмы именовались домами исправительно-трудовых работ, то же и концлагеря. За слово "тюрьма" людей арестовывали и предавали суду. Однако, со временем эта маска была сброшена и тюрьмы стали именоваться тюрьмами и лишь подразделялись по своему назначению на следственные, пересыльные и каторжные, да полностью перешли в ведение НКВД. Как уже упоминалось, при каждом РО НКВД существуют КПЗ, т.е. камеры предварительного заключения, которые постоянно довольно плотно заселены обитателями. Обычно под КПЗ были приспособлены старые здания, а где работа шла по-стахановски, то в качестве премии НКВД ассигновались специальные средства для постройки КПЗ по всем правилам. Затем следовали окружные, или межрайонные следственные тюрьмы, под которые использовались прежде всего здания старых уездных домов заключения или приспособлялись другие здания, или же сооружались новые. Таких тюрем по области было 14.

В областном центре находилась старая тюрьма, часть которой была приспособлена под гостиницу. Однако, уже в 1936 году пришлось гостиницу спешно ликвидировать и использовать здание снова под тюрьму, а кроме того пришлось спешно соорудить новые корпуса и приспособить подвалы НКВД для внутренней тюрьмы. Вообще же в тридцатых годах, когда "жить стало лучше, жить стало веселее" в стране было построено огромное количество новых тюрем, в том числе так называемых "американок" (Минск, Ленинград и др. города), каждая из которых была рассчитана десятки тысяч будущих "врагов народа".

Старые тюремные здания имели большие окна, дававшие много света и воздуха. Но однажды приказом свыше по всей стране, во всех тюрьмах вплоть до районных окна были заделаны кирпичом и оставлены лишь вверху узкие проемы. Решетки были сделаны погуще, а снаружи приделаны щиты совершенно скрывающие и эти остатки окон, в результате чего лишь немного света могло попадать сверху между стеной и щитом. Кроме того, в так называемых особых или спец. корпусах изнутри окна прикрывались густой, что сито, металлической сеткой, а стекла замазывались белилами и почти не пропускали света. Освещение производилось круглые сутки электричеством. Отопление обычно не производилось, несмотря на лютые морозы, доходившие зимой 1939-1940 года до -50° . Температура воздуха в камерах зависела от количества заключенных. В 1937-1938 годах в бывших уездных тюрьмах, рассчитанных на 100-150 человек находилось от 8 до 10 тысяч заключенных. Камеры были забиты до отказа. Большинству приходилось стоять, так как сидеть было негде и сидели только по очереди. Даже в крохотных одиночках находилось по 10-20 человек. Люди так и умирали стоя. Иные камеры были столь переполнены, что человек не мог войти в камеру, его прижимали снаружи дверью и он как бы влипал в человеческую стену. В таких условиях многие находились долгие месяцы и даже по году и больше. Летом люди задыхались от жары и все страдали от потницы, покрываемые язвами.

В небольшой зале в областной тюрьме, в котором при старом режиме была церковь, теперь помещались 800 человек заключенных сдавленных как селедки в бочке.

Лишь в особых корпусах и внутренних тюрьмах НКВД иногда бывало немного просторней.

Тюремный режим был необыкновенно тяжелый. Это прежде всего был постоянный режим голода. Людей кормили полужидким часто выпеченным из порченной муки и суррогатов, кислым и черным, что земля, хлебом, выдаваемым в скудных дозах и жидкой "баландой" (супом), как правило, приготовленной из порченных продуктов и разных отходов. Жиров отпускалось на человека по казенной норме три (3) грамма в день, но это не попадало в пищу, а поглощалось

тюремщиками. Курение то разрешалось, то запрещалось, дабы создавать дополнительные мучения.

Иногда месяцами не выдавали "параш" (ночной посуды) в результате люди подвергались невероятным страданиям, ибо в уборную водили лишь дважды в сутки. Если человек не выдерживал и оправлялся на пол, то его подвергали жестоким наказаниям. Прогулки производились в специальных узких, обнесенных высокими заборами двориках – "собачниках" и длились от 5 до 10 минут. В областной тюрьме по воскресеньям и праздникам прогулок не было. "Прогулка" заключалась в том, что люди со сложенными за спиной руками, с нагнутыми головами, не смея даже поворачивать их должны были быстро ходить гуськом по кругу под наблюдением специального надзирателя. За наименьшее нарушение режима виновные лица, или целые камеры строго наказывались. Наказания состояли в лишении хлеба, или пищи вообще, в круглосуточной стойке лицом к стенке в камере, в лишении прогулки, в заключении в холодный карцер без постельных принадлежностей, в избиваниях и, наконец, в специальном следствии ведущимся особо уполномоченным НКВД, находящимся при каждой тюрьме. Обычно такое следствие заканчивалось предъявлением дополнительных обвинений в контрреволюции.

Заключенные были совершенно изолированы от мира. Каждая тюрьма обнесена высокими заборами, иногда в два три ряда и колючей проволокой. Возможность побега совершенно исключена. Переписка запрещается. Кто-либо из тюремной стражи передавший на волю записку от заключенного, или же устное сообщение, как равно и с воли в тюрьму, рисковал быть расстрелянным. Ни газеты, ни книги не разрешались. Сведения с воли единственно черпались от людей свежее-арестованных, из случайно услышанных разговоров энкаведистов между собой во время нахождения на допросе, или из обрывков газет, подбираемых заключенными в уборных НКВД, и прочитываемых, будучи закрыты в кабине уборной, или же приносимых в камеру, если обрывки не обнаруживались коридорным надзирателем производящим обыск при отправке на допрос и при возвращении с допроса. Из камеры в камеру сведения передаются разными способами, в частности через уборную и дворик для прогулки, хотя этот способ ненадежный, ввиду того, что после каждой камеры проверяется и дворик и уборная. Кроме того, посредством обычного разговора через стену, прикрывая рот рукой, а слушают через кружку, прижав ее открытой стороной к стене, а дном к уху. Но это возможно лишь в больших камерах, где стоит постоянный хоть небольшой шум достаточный чтобы приглушить разговор одного человека. В целях этого глушения говорящий также прикрывается одеялом или пальто. Нужно заметить, однако, что всякий шум строго преследуется. В небольших камерах применяется перестукивание посредством особой азбуки, построенной следующим образом:

	1	2	3	4	5
1	а	б	в	г	д
2	е	ж	з	и,й,ы	к
3	л	м	н	о	п
4	р	с	т	у,ю	ф
5	х	ц	ч	ш,щ	я

Сперва выстукивается число стоящее в горизонтальном ряду цифр против данной буквы, а затем в вертикальном.

Дабы предупредить перестукивание, в стенах вновь сооружаемых тюрем делаются пустые простенки заполняемые звуконепроницаемым материалом, или же оставляемые пустыми, при чем, иногда со входом в них со стороны корридора. Однако, и при этом условии производится перестукивание через наружную стенку. Слышимость значительно хуже, но зато могут слушать сразу четыре соседних камеры, для этого лишь нужно прикладывать ухо или кружку к наружной стене.

От времени, от дезинфекций и "допросов" белье и верхняя одежда рвется, но починить почти невозможно, так как иголка дается в камеру в несколько месяцев раз и то на короткое время. Приходится делать иголки из спичек, но и за такую "иголку" "преступник" должен отсидеть в карцере. Вещевые передачи с воли допускаются лишь в случае благоприятного для НКВД поведения заключенного на допросе. Обычно люди, арестованные в летнее время, будучи легко одеты, иногда в белый костюм и даже в одни трусы, так и оставались зимовать. Если бы другие не давали что-либо одеть при вызове на допросы, то так в трусах и шли бы. А такие случаи были нередки. Продуктовые же передачи категорически запрещены на весь период ведения следствия, дабы можно было использовать голод, как одно из средств давления на заключенного.

В условиях невероятной тесноты и отсутствия даже смены белья имеет место ужасная антисанитария. Волосы и бороды в известные сроки стригутся машинкой, но это делают не парикмахеры, а надзиратели, к тому же машинками, в которых не хватает многих зубьев. Таким образом стрижка превращается в пытку. Регулярные обыски, производимые у заключенных, когда голых людей подолгу выдерживают в холодных корридорах на цементном полу, являются подлинным бичем, особенно же когда заставляют сидеть или даже лежать на цементе, пока идет проверка камеры и каждого шва в одежде, особенно же в зимнее время. Одним

словом, делается все возможное для того, чтобы сделать условия невыносимыми. Летом корридорные надзиратели смотрят даже за тем, чтобы заключенные не уничтожали донимающих их мух.

Медицинская помощь никому не оказывается за исключением случаев, когда НКВД заинтересовано пока в сохранении жизни того или иного заключенного для добытия от него нужных показаний. Никакого прокурорского надзора не существует, ибо и прокурор, и тюрьма подчинены НКВД и служат интересам "следствия".

Всякая жалоба обращается против жалобщика и никогда не может быть удовлетворена. Такой метод протеста, как голодовка в условиях советской тюрьмы невозможен, ибо на голодовку НКВД никак не реагирует. Но если голодающий нужен для показаний, то его насильно подкармливают физиологическим раствором, или же заставляют прекратить голодовку жестокими избиениями.

Если простой человек привыкший к тяжелым условиям жизни и в душе ненавидящий коммунистическую диктатуру, оказавшись в таких нечеловеческих условиях, необыкновенно тяжело переносит их физически и душевно, то коммунистические аристократы, зачастую очарованные коммунистическими идеями и ослепленные собственным благополучием, переносят их еще тяжелее и убедившись, что эти условия являются не следствием злоупотребления властью тюремного начальства, или органов НКВД, а общегосударственной системой установленной вождями, они еще до испытания методов следствия прозревают, разочаровываются в коммунизме и зачастую становятся его смертельными врагами.

Создавая жестокие невыносимые условия в тюрьме, НКВД не только ослабляет сопротивляемость "врагов народа" и делает их более податливыми, но и вербует среди них агентов, которые информируют о настроениях и разговорах заключенных, что дает хорошую ориентировку НКВД для ведения "следствия" в желательном направлении, а кроме того, часто дает основание для создания дополнительных обвинений в контрреволюционной агитации в камере. Заключенные, предающие своих товарищей, побуждаются к этому разными причинами. Прежде всего, это люди бывшие еще на воле осведомителями НКВД. Затем люди, которые из-за своей природной трусости, будучи напуганы следователем, не в состоянии умолчать о том, что они слышали в камере. Далее это шкурники, которые, поверив энкаведистам, что они получают облегчение своей участи, а возможно и на волю выйдут, если докажут свою лояльность к советской власти своими информацией, иногда не только информируют о том, что слышали, но и подписывают "информацию" сочиненную энкаведистом. И, наконец, такие же шкурники продающие людей за кусок хлеба или папиросу, получаемую от НКВД. Если же из наличных в камере заключенных не удастся завербовать себе информаторов, НКВД подсаживает в камеру отличившегося осведомителя, поручая ему вызывать людей на

откровенность провокационными разговорами, напр. ругая и понося Сталина, НКВД и т.д. Это называется "подсада" провокатора. Такими провокаторами часто бывают штатные сотрудники НКВД, маскируемые под заключенных. Опасность со стороны "стукачей" и провокаторов так велика, что заключенные боятся проговориться во сне или поругать своих мучителей.

Заключенных фотографируют в двух позах, а также делают дактилоскопические оттиски пальцев обеих рук.

"Следствие".

Перед следствием не ставится задача выяснить действительно ли виновен человек, или же может быть невиновен, ибо аресты производятся вовсе не потому, что люди виновны, а для того, чтобы их уничтожить, или превратить в каторжников. Казалось бы, зачем лишняя возня на "следствии", раз за человеком нет никакой вины? Не лучше ли было бы не мучать людей, не ослаблять их, не убивать, а здоровых прямо отправлять на каторгу? Здравый рассудок подсказывает, что так было бы значительно выгодней и даже честнее со стороны правителей. Однако это невозможно. Ведь юридически все эти люди вовсе не являются честными гражданами, об интересах которых якобы "печется" советское правительство, а больше всех Сталин, интересы которых оно якобы "защищает" и даже неприкосновенность личности "охраняет". Они объявлены врагами народа, а с врагами народа, контрреволюционерами позволительно делать что угодно. Значит нужно этих людей сделать контрреволюционерами юридически, заставить их самих "сознаться" в своих контрреволюционных преступлениях и показать эти их "признания" народу. Как они добыты – это глубокая тайна и большинство народа лишь понаслышке знает о ней. Знают же по-настоящему лишь те, кто прошел "следствие" НКВД и если он оказался на свободе, то могут еще знать его ближайшие родственники, но они никому не скажут, ибо их за "контрреволюционную агитацию" арестуют. Таким образом в основе следствия лежит задача – сделать ложь "правдой", не стесняясь для этого средствами. Вторая причина, обуславливающая длительное, тянувшееся иногда годы, мучительное "следствие" – это необходимость "раскрытия" арестованным своих "соучастников" по "контрреволюционной деятельности". Короче говоря, необходимость "юридического" обоснования для ареста возможно большего количества нужных каторжников. И в самом деле, кто может возразить против ареста человека, которого уличают как своего "соучастника" в контрреволюционной, подпольной террористической, вредительской или шпионской организации два, три, а то пять или десять "врагов народа" "сознавшихся", что они сами являются участниками такой организации. Если в процессе следствия арестованный отвергает правдивость предъявленных ему "показаний" его уличителей, то следователь сразу же разбивает его аргументы заявляя, что люди дающие такие показания, прежде всего "сознались", что они сами являются

"участниками" к/р организации, а они же, мол, себе не враги и не могли себя оговорить. И обвиняемый, не понимающий еще, что люди именно оговаривают себя, может усматривать в уликах этих людей, выдвинутых против него злонамеренную провокацию со стороны попавшихся действительных врагов народа. Лишь постепенно в ходе "следствия" такой человек поймет почему люди "сознавались" и его оговорили. Наконец третья причина "следствия" – тождественна избиению младенцев Иродом. Убив, замучив в застенках и каторге, а также заморив голодом десятки миллионов людей, Сталин и его соратники не могут спокойно спать. Призраки этих жертв преследуют убийц, и они в страхе, стараясь оградить свою кровавую и преступную жизнь стремятся посредством пыток миллионов людей найти среди них и уничтожить хоть десять человек действительно замышлявших убить этих страшных тиранов.

Раз на человека навешан ярлык "врага народа", он теряет все человеческие права, находится вне всякого закона и отдается на полный произвол НКВД. Против этого, ни в чем неповинного, а иногда даже слепо, фанатически преданного коммунистическому идолу, человека ополчаются НКВД, прокуратура, суд, органы власти и партии, бывшие его начальники и друзья, а часто родственники и собственная семья. Если семья не ополчается против него, значит все перечисленные органы ополчатся против нее, ибо "врага народа" не имеет право любить и жалеть его жена, дети, отец и мать. Они обязаны возненавидеть его, жаждать для него самых лютых наказаний. Такова коммунистическая мораль – все по плану – и любовь и ненависть, и все в интересах коммунизма, которому полностью подчинены все без исключения личные интересы и чувства человеческой личности. Скажут – умри в интересах коммунизма – от голода, например, и должен умереть, да не просто, а с улыбкой, с чувством счастья и благодарности на лица, воспевая словословие "великому Сталину" за "счастливую", "радостную" и, как нигде, "свободную" жизнь.

Методы допросов.

Для изыскания методов, посредством которых можно было бы вынудить невинного человека признать себя "виновным" и вместе с тем сделать это так, чтобы все же сохранить в нем столько здоровья, чтобы он мог несколько лет поработать на каторге, органами НКВД привлекаются крупнейшие психологи, врачи, историки и прочие специалисты и ученые. Изучению и анализу подвергается опыт всей истории, начиная от пыток, применявшихся в древности, затем период средневековья и до последних дней. Всякий удачный метод применяемый "следователем" НКВД также всесторонне изучается и становится массовым.

Среди следователей НКВД есть разные люди. Одни верят в виновность арестованных, другие не верят, но убеждены что в интересах коммунизма нужно добиться от них самооклеветания. Третьи, а таких большинство, чувствуя себя

обязанными по службе добиваться "признаний", вовсе не интересуются виновен человек или не виновен. От количества признавших себя "виновными" зависит продвижение по службе, денежные премии, разного рода награды, в том числе и орденами. Кроме того, всякое сомнение в виновности арестованного со стороны самого заслуженного энкаведиста ставит его самого под угрозу ареста. И те немногие, у которых хоть чуточку заговорила совесть, и они не смогли пытать людей, или же, будучи вынуждены в порядке служебной дисциплины пытать, вместе с тем осуждали такие действия НКВД, подвергались аресту и всем методам "следствия".

Каждому энкаведисту давалась "норма выработки", т.е. давалось задание в определенный срок "обработать" известное количество заключенных, добившись от них "признаний" своей "виновности", а также "раскрыть" определенное количество "врагов народа", находящихся пока на свободе. Некоторые не могли выполнить норму, другие же оказывались стахановцами и значительно перевыполнили ее. Некоторые выдвигали даже свои встречные планы. За каждого "сознавшегося" энкаведист получал денежное вознаграждение. За каждого "сознавшегося" сверх плана он получал прогрессивную оплату. Энкаведист-стахановец очень быстро продвигался в звании, делая прыжки от сержанта до лейтенанта и даже старшего лейтенанта в течение нескольких месяцев стахановской работы, тогда как энкаведист "позорно" отстающий продолжал годами сидеть в своем звании, или как "бездарный" переводился со следственной работы на административную или иную менее ответственную. Между следственными отделениями и отдельными следователями заключались договора на соцсоревнование. Какой материальный интерес представляла для энкаведиста работа по-стахановски видно из того, что младший лейтенант УГБ, месячный оклад которого равнялся 550 рублей, мог "выработать" 4-5 тысяч рублей в месяц.

Хотя все следователи НКВД должны были уметь воздействовать на подсудимого и "по-хорошему", и посредством "психических" и "физических" методов, но находились среди них люди, проявляющие наибольший талант в каком-либо одном из перечисленных методов.

Следователь, являвшийся мастером воздействия "по-хорошему" старался разными средствами убедить человека чтобы тот признал себя "врагом народа". Если он видел, что перед ним человек верящий в коммунизм и в его вождей, он начинал его убеждать, что хотя он и не виновен, но в интересах любимой им советской власти, для поднятия бдительности, особенно партийных и комсомольских организаций и близких к партии людей, для возбуждения в них еще большего озлобления против настоящих, мол, врагов народа он должен назвать себя "врагом народа" и выдумать пострашнее антисоветскую деятельность якобы проводившуюся им. Одновременно следователь, а если надо, то и сам начальник областного

УНКВД давал "гарантию", заверял этого доверчивого человека, что суд над ним и даже смертный приговор будет являться лишь инсценировкой для поднятия бдительности масс. И что в действительности его сразу же переведут в другую область, назначат его на более высокую должность чем он был до ареста, выдадут большое денежное вознаграждение за оказанную партии и советской власти услугу и даже представят к награде орденом. Этот метод в 1937 году давал просто блестящие результаты. С помощью этого метода были "обработаны" целые "контрреволюционные группы", которые согласились сделать такую услугу "родному Сталину". До суда они прекрасно кормились и даже помещались целой группой в одной отдельной камере для коллективного сочинения разного рода "совершенных преступлений". Об этих своих "преступлениях" участники таких групп горячо рассказывали на инсценируемых показательных процессах в присутствии сотен людей, стараясь придавать своим физиономиям покаянный вид. Будучи присуждены к расстрелу или к разным срокам каторги эти наивные чудаки не подозревали о том, что их ждет в действительности, а предвкушали удовольствие от обещанных им назначений и наград. Были даже такие среди них, которые находясь в камере смертников, все продолжали верить, что это лишь инсценировка, а иной может быть понял, что его "обманули" лишь в момент самого расстрела.

Немало простых людей "обрабатывалось" ещё проще. Их "убеждали" в том, что достаточно им подписать бумагу, составленную следователем и гласящую об их принадлежности к антисоветской организации, как их сразу же освободят. И люди подписывали такие бумаги и часто убеждались в обмане лишь тогда, когда им зачитывали приговор "тройки" НКВД выносимый заочно. Такой приговор не подлежит кассации, и доверчивый человек отправлялся с очередным этапом "строить социализм" где-либо в тундре. По мере распространения во всех камерах и тюрьмах сведений о таком надувательстве со стороны НКВД наивных людей, успехи метода "по-хорошему" сильно снизились, но понемногу продолжали давать свои плоды и в 1938 году. Видя, что НКВД делает с заключенными, упрямо отрицающими свою вину, многие в страхе подписывали любые "признания" написанные за них следователями. Иные не хотели читать написанного и скорее подписывали протокол "дознания", а некоторые подписывали пустые бланки протокола предоставляя следователю сочинять от их имени, что он найдет нужным.

Требуемые от каждого "признания" должны были сводиться к следующему: кем, когда, при каких обстоятельствах и в какую контрреволюционную организацию завербован. Кто является соучастником в данной к-р организации. Какая антисоветская деятельность проводилась организацией и данным лицом. Если следователь видел, что ни методами "по-хорошему" и никакими иными не удастся добиться требуемых показаний, он шел на хитрость, предлагая подписать всего несколько слов, вроде того, что заключенный признает себя виновным, но о подробных показаниях должен еще хорошо подумать. И если запуганный и

измученный человек подписывал этих несколько слов (в надежде, что его пока отправят в камеру и он там соберется с силами и в следующий раз скажет, что он подумал и никакой вины за собой не нашел) то он уже обрекал себя, ибо и эти несколько слов давали юридическое основание осудить его. Однако, его в камеру не отпускали и если до того работали "по-хорошему", то после подписания такой бумажки начинали обрабатывать всеми прочими методами, пока добивались требуемых показаний, а главное названия "соучастников".

Часто "по-хорошему" удавалось убедить заключенного подписать протокол, где говорилось о проводившемся им "вредительстве", каковым объявлялась напр. поломка зубила, порча станка, порча снопов дождем хотя бы это произошло и не по вине заключенного. За вредительство же полагались тяжелые кары вплоть до расстрела.

В 1937 году НКВД широко пользовалось помощью урков (уголовников) для воздействия на заключенного. Какого-нибудь интеллигентного врага народа вроде председателя областного исполнительного комитета, или профессора, или командира красной армии бросали в камеру к уркам. Те сдирали с него хорошую одежду и обувь и давали ему рвань, или же оставляли совсем голого, отнимали получаемую наравне со всеми пищу, избивали, всячески унижали, а педерасты насиловали. Иные заключенные не выдержали всех этих издевательств и готовы были стать на путь самоклеветания, лишь бы избавиться от общества урок. Однако урки оказались благородней энкаведистов. Поняв, что они невольно служат в роли помощников НКВД, в большинстве камер не только не стали издеваться над этими людьми, а наоборот, окружали их заботой, подкармливали, уступали им лучшие места. В результате НКВД прекратило пользоваться таким методом.

Если человек не соглашался признать себя "врагом народа" и упорно отрицал свою виновность, то его держали на допросе минимум восемь часов. Обычно не разрешалось сидеть в свободной позе. Для сидения были определенные правила. Спина не должна упираться в спинку стула и должна оставаться совершенно прямая. Ноги должны быть согнуты в коленях под прямым углом, колени прижаты одно к другому, а руки должны покоиться на коленях. Голову нужно держать ровно и не вертеть ею. Часто вместо стула пользуются табуретом. Обычно же применяется не сидка, а стойка с соблюдением всех правил. Часто человека становятся лицом в угол, и он находится все время в напряженном положении, не видя кто сзади него находится и шепчется и особенно опасаясь внезапных ударов, в результате которых он "влипает" лицом в стену или падает от удара под колени или же заставляют беспрерывно глядеть в 500 или 1000 свечевой рефлектор. Обычно во время пребывания на "допросе" ни есть, ни пить, ни курить не разрешается. За естественной надобностью водят в уборную лишь в исключительных случаях, заставляя человека терпеть и мучаться. Многочисленны случаи, когда люди не

выдерживают и мочатся в штаны, что особенно часто случается со стариками, у которых после бесконечных допросов, или же вследствие отсутствия в камерах "параш", расслабляются мочевые пузыри. Для воздействия на заключенного его часто ставят к раскаленной печке, что делается как зимой, так и летом. Часты случаи, когда слабый человек из-за нестерпимой жары лишается чувств.

Если человек не сдается "по-хорошему", то лишь первые допросы могут обойтись без избиений, а затем чем дальше, он подвергается все более и более жестоким избиениям. В коридорах НКВД, как днем, так и в особенности ночью стоит невообразимый крик и вопль, несущийся из сотен следственных кабинетов. Иногда бывают короткие, но очень тяжелые избиения, после которых человека отливают водой, а если не удастся привести в чувство, то выволакивают в особый карцер, где он должен постепенно прийти в себя, если не умрет. Но обычно избиения рассчитаны не на увечье, а на возможно большее мучение, и такие избиения бывают почти непрерывными на протяжении всего времени пребывания на допросе и являются для следователей-палачей настоящей физической работой. Бьют кулаками, сапогами, палками, бутылками. Однако, сапоги, палки и бутылки делают многих непригодными к труду. Поэтому в Москве ввели более тонкое орудие пыток – резиновую нагайку. Она причиняет жестокую боль, покрывает тело рубцами, рассекает его, превращая в котлету, но вместе с тем сохраняет трудоспособность будущего каторжника-раба. Вслед за Москвой нагайка была введена и в других областях. В Ленинграде наиболее излюбленным орудием оставался шомпол, прославленный еще в годы ЧК.

Частота вызовов на допросы бывает разная. Иногда вызывают неделю или две подряд день и ночь, не оставляя ни часу для сна и лишая человека обедов и ужинов. Иногда вызывают довольно редко и даже вовсе прекращают вызовы на несколько месяцев, действуя на психику человека. НКВД хорошо знает, как действует на человека бесконечная длительность пребывания под следствием, постоянное ожидание чего-то неизвестного и ужасного и окончательная потеря надежды на освобождение. Иной готов признать за собой любую "вину" только бы выйти наконец из этого томительного состояния безнадежного ожидания и постоянного страха, особенно созерцая повседневно привозимых с допроса изуверченных сокамерников и будучи свидетелем смерти многих из них. Правда, есть люди, которые до поры до времени усматривают в том, что их не вызывают "разборчивость" НКВД в "виновниках" и невиновных, причисляя себя к последним. Количество допросов зависит от того, как скоро заключенный прекратит "запирательство" и признает себя "виновным". У иного это происходит после нескольких допросов, иного же вызывают пятьдесят, сто и больше раз. Если заключенный представляет из себя ценность исключительно как рабочая сила, то "следствие" по его делу особенно не затягивают. Если никакими средствами не удастся добиться "признания", то дело направляют в "тройку" (а после ликвидации "троек"

в "особку", т.е. особое совещание при НКВД СССР) и там он одним росчерком пера вместе с сотнями или тысячами других людей, находящихся в одном с ним списке, получает "срок" для "отбывания" наказания, будучи без вины виноватым. Абсолютное большинство арестованных независимо от их "признаний" после нескольких месяцев следствия отправляются в концлагеря на работу. Однако, нужно заметить, что подавляющее большинство подвергшихся пыткам все же "признают" себя виновными, не выдерживая "методов" НКВД.

Если же НКВД заинтересовано, чтобы от данного лица обязательно добиться признания своей "виновности" и "разоблачения" своих "соучастников", то тогда допросы бессчетны и если не наступает смерть до "раскаяния" перед НКВД, то следствие может затянуться на годы. Таким образом люди находятся под следствием по 2-3 года и дольше.

Однако, страшно не количество допросов, а их длительность и характер. Если мучительно тяжело выдержать и особенно выстоять восемь часов, то выдержать 24 часа будет не в три раза тяжелее, а в пять или десять раз. Особенно же если человека берут изо дня в день на такой суточный допрос приводя в камеру всего на час и если это длится неделю! – две! – три! Однако допросы часто тянутся подряд и по 48 часов, и по 72 часа и по 120 часов и еще дольше. Все это время человек с помощью следователей, сменяющих друг друга через 8 или 12 часов "бодрствует" и живет без пищи и воды, если только не начинает галлюцинировать или лишается сознания. В таком случае его немного подкрепят. Курение же совершенно запрещено. Такого рода допрос, именуемый "конвейером", даже если он не сопровождается избиениями, доставляет человеку невообразимые страдания. У него теряется память, он забывает порою даже свое имя, не дает себе отчета, что с ним происходит. У него предельно ослабевает способность к "запирательству". Если его располагают у раскаленной печи, то благодаря обильному испарению влаги посредством потения, его мучения еще увеличиваются. Губы обычно трескаются, рот и горло пересыхает, язык пухнет. А в это время палачи всячески добиваются признания. Редко кто выдерживает такой конвейер пять суток. Он прекращается или тем, что человек сдается, а таких случаев абсолютное большинство, или же тем, что человек падает в беспамятство, если не умирает от паралича сердца. Обычно же при потере сознания приводят в чувство избиениями, реже обливаниями водой. И если эти средства не помогают, тогда льют воду в рот или применяют медицинские средства, если этот "враг" еще представляет "ценность" для следствия. Немало людей сходило с ума во время такого "конвейера".

В качестве методов воздействия применялось такое средство, как специальные холодные карцера находящиеся в подземельи. Человека сажали в карцер раздев его до белья или догола. В уборную не выпускали и уборной служил цементный пол, на котором за месяцы или годы накапливалась лужа человеческих отбросов,

кишающая червями. Помещаться приходилось на ящике служащем одновременно клоповником, из которого вылезали тысячи клопов и начинали разъедать ноги. В это же время мириады мелких мушек лезли в глаза, в рот, в нос, в уши. В свою очередь на ноги ползли черви. Пища состояла из ломтика хлеба и кружки кипятку в сутки. Кроме голода, клопов, мошки и червей человека донимал еще нестерпимый холод и сырость. Через большие или меньшие интервалы заключенного спрашивают сквозь дверь готов ли он "сознаться". Некоторые сидели в таких карцерах три недели и больше.

Другим еще более мучительным и пагубным для здоровья являлся так называемый "холодно-горячий душ". Раздетого догола человека после двухчасового нахождения в вышеуказанном холодном карцере выводили, заставляли быстро одеваться и запирали в горячую комнату одна стена которой представляла калориферную печь, к которой нельзя было приблизиться на три метра, кроме того, от печи через комнату проходила металлическая труба диаметром в 25 сантиметров красная от проходящего по ней пламени. Жара была совершенно нестерпимая. От жары трескались губы и рот приходилось прикрывать. Глаза также приходилось держать закрытыми. Воздух был так раскален, что его почти невозможно вдыхать. После двухчасового пребывания в этом горячем "душе" заключенного быстро раздевали догола и мокрого от пота и горячего опять запирали в холодильник на два часа, после чего снова отправляли в горячую комнату. И так длилось по несколько суток.

Эти методы являлись довольно радикальными, так как давали возможность подвергать человека "воздействию" и вместе с тем разгружали палачей. В Ленинграде, где перегрузка следователей еще больше, где в 720 камерах одной лишь внутренней тюрьмы находилось около 35-40 тысяч заключенных, был введен столь рациональный метод, что один следователь мог одновременно обслуживать человек 10 подсудимых. Для этого в комнате стояли шкафы-гробы, устроенные так, что человека туда втискивали и прижимали дверью. Гроб был так тесен, что пошевелиться в нем было невозможно. Люди стояли в этих гробах по несколько суток. Естественную надобность справляли в штаны. Пищи и питья не получали. Следователь, помещавшийся в соседней комнате, время от времени подходил к гробам и спрашивал кто готов "сознаться". Многие умирали в этих гробах.

В Смоленске такие гробы стояли в подземелье и в них запирали заключенных, привезенных на допрос, пока их вызывали следователи. Более счастливыми были те, для кого гробов не хватало, и они ожидали в бане, в уборных, в клетях, под лестницей. Но каждый из ожидающих был изолирован и никогда не мог увидеть лица другого заключенного. Если же вели по коридору, то при встрече ставили заключенного лицом к стене.

Несмотря на применение разнообразных рационализаторских методов позволяющих увеличить пропускную способность следственных групп, все же нагрузка энкаведистов была необыкновенно велика. Уместно заметить, что все энкаведисты работали по 15-16 часов в сутки, имея лишь 4-часовые перерывы вечером и утром для сна.

Наряду с физическими методами воздействия были психические. Кроме того, что заключенного всячески оскорбляли, поносили перед ним все, что было для него самое дорогое, ему плевали и сморкались в лицо, заставляли открывать рот и плевали в рот, заставляли отгадывать кто из палачей испортил воздух, обнюхивая их, бросали нагайки и заставляли подымать их, заставляли лизать слюнки на полу, заставляли кланяться в ноги, и т.д.

Заключенному предъявляли письма его родителей, детей или жены умоляющих его "сознаться", так как в противном случае им грозят разные репрессии. А ведь надо заметить, что находясь под следствием человек не имеет ни малейшего представления о судьбе своей семьи. Ему также могут предъявить заявление жены адресованное НКВД, в котором она "отрекается" от "подлого врага народа" и "просит" НКВД убить его.

Иной заключенный, перенесший самые страшные пытки и не оклеветавший себя дабы не погубить дорогую для него семью, после таких писем и заявлений сразу же признает себя "виновным" и первыми своими "соучастниками" записывает жену, отца, братьев. Это объясняется тем страшным потрясением, какое производят в его душе подобные поступки близких ему людей, которые хотя и находятся под угрозой, но еще не испытав и малой доли того, что испытал он готовы купить для себя спокойствие ценой его жизни, иногда серьезно веря в его виновность.

Такого рода воздействие на заключенных имело массовый характер.

Бывало же и так, что НКВД арестовывало жену, сына, или дочь, в том числе и маленьких детей, и начинало пытать их в присутствии мужа или отца. Это мало кто мог перенести, чтобы не пойти на любые требования НКВД.

Весной 1938 года по всем областям страны проходили партийные конференции, куда командировались члены политбюро. Главный вопрос, стоявший на партконференциях – это борьба с врагами народа, которую "ЦК" (члены которого к тому времени были уже арестованы почти поголовно) т.е. Сталин и его соратники считали совершенно неудовлетворительной. Членами политбюро давались строжайшие директивы вновь избранным областным комитетам партии о еще большем поднятии бдительности и еще более жестокой и беспощадной борьбе с "врагами народа". В Смоленской области эта директива сразу же сказалась в очередной волне массовых арестов и в введении более жестоких пыток. Нужно заметить,

что аресты шли все время волнообразно "наборами". Такие громадные волны прокатились напр. летом 1937 г., осенью 1937 г., перед выборами в Верховный совет в декабре 1937 г., после первой сессии Верховного совета СССР и пленума ЦК ВКП(б) в январе 1938 г., затем после указанных областных конференций, наконец в июне-июле 1938 г.

Осуществляя директиву "ЦК" органы НКВД с небывалой жестокостью стали добиваться от заключенных нужных показаний. Такой термин как "выбить показания" употреблялся официально. Энкаведисты прямо заявляли заключенным, что правда не то, что соответствует истине, а что нужно НКВД. Они убеждали заключенных показывать это нужную НКВД правду о себе, обеспечивавшую "лишь" отправку на каторгу, могущую сохранить от убийства на пытках.

С наступлением лета 1938 года жестокость пыток продолжала прогрессировать. Кроме жесточайших избиений заканчивавшихся переломами рук, ног, ребер, и порки резиновыми нагайками по голому заду, спине, по животу, людей пороли по головам до тех пор, пока обнажался череп. Посредством избиений нагайками превращали носы или уши в отбивную и образовавшаяся масса гнила, выбивали глаза. Уцелевшие же зубы и барабанные перепонки ушей были роскошью. Под ногти загоняли иглы. Дверью раздавливали пальцы рук и ног. Вырывали постепенно все волосы на голове, бороде, усах, накручивая их на гвоздь или карандаш. Вырывали брови и ресницы. Жгли папиросами или горящими спичками губы, ноздри, веки глаз. Человека ложили на пол, захватывали петлей веревки за половой член и подтягивали через блок, укрепленный на потолке. Заворачивали назад руки и накидывали на их кисти петлю веревки которую затем тянули через блок. Вешали также вверх ногами. Обычно человек от ужасной боли терял сознание, но приведя его в чувство иногда повторяли ту же операцию.

Заключенных ломали на "козе", заключавшейся в том, что человеку нагибали голову между колен и затем под коленками продевали палку таким образом, что она прижимала затылок. Большой процент подвергшихся этой пытке, преимущественно из числа стариков, погибал от разрыва позвоночника, иные же оставались калеками.

Жестокость пыток, применяемых к женщинам, ничуть не уступала пыткам, применяемым к мужчинам. Но они были еще разнообразнее. Раздев догола, их привязывали за волосы к веревке и подтягивали через блок таким образом, что они висели в воздухе, затем пороли нагайками или розгами. Этот же метод применяли к священникам. Раздетую догола женщину ложили ниц, предварительно связав руки назад. Один палач держал ее за голову, двое держали за ноги растянув их пошире, а четвертый став над нею хлестал нагайкой между ног. Кроме того, к женщинам применялась "дойка". Этот метод заключался в том, что грудь захватывали огромными деревянными клещами снабженными сильными пружинами,

в результате из сосков кровь била фонтаном. Жесточайшим пыткам подвергались беременные женщины и бывали случаи, что во время пыток они рожали. Однако в этом изуверстве заключалась высокая коммунистическая мораль, ибо несчастная в этот момент могла как раз не выдержать и "сознаться" в несовершенных преступлениях.

В подземельи областной тюрьмы было устроено около сорока специальных застенков именуемых энкаведистами "мясорубкой". Туда спускали особо "закоренелых", т.е. упрямых "врагов народа", где их подвергали или же жестоким кратковременным пыткам, или же продолжали мучать в течение нескольких суток непрерывно на "конвейерном" допросе. У подвергаемых конвейерным пыткам специально создавали т.н. "болезненные очаги" посредством длительного избияния определенных мест тупыми ударами напр. руки выше локтя, определенного места груди, ударами под подбородок, сотрясающими мозг и т.д. Постепенно воспаляясь, "очаги" приобретали болезненность чирьев и при дальнейших избияниях по ним доставляли заключенному невыносимые страдания. Для "мясорубки" подбирались особо жестокие и сильные палачи. Обычно оттуда выходили лишь сдавшиеся. Остальные же почти все убивались разного рода пытками.

Заключенным давали возможность один раз в три месяца на маленьком клочке бумаги писать заявления. Некоторые осмеливались в этих заявлениях жаловаться в Верховный совет или Сталину на своих мучителей. Но вряд ли кто верил, что такая жалоба пойдет к Сталину, по директивам которого все эти чудовищные издевательства творились. Люди рассчитывали на то, что после такой жалобы с ними скорее покончат, и многие не ошибались в этом. Обычно очередной "следователь" предъявлял заключенному его жалобу, говоря, что она является свидетельством его "неисправимости" и начинались заново жестокие пытки.

Люди бывшие в то время в Московских, Ленинградских, Киевских, Минских, Ярославских, Тверских, Нижегородских тюрьмах свидетельствовали о таком же нарастании жестокости пыток с массовыми убийствами во время них. Технические приемы всюду были примерно однородные. НКВД СССР обобщал "хороший опыт" разных областных управлений и быстро переносил его из области в область. Конечно, всячески поощрялась инициатива и изобретательность на местах, что при общем однообразии системы по всей стране обогащало ее разными причудливыми вариантами. Вот образцы применявшихся пыток пятигорскими изобретателями. Там напр. шыряли в нос специальными кисточками из тонкой стальной проволоки, или ложили человека боком, заставляя подогнуть ноги, затем захватывали яички специальным приспособлением и постепенно прокалывали их длинным шилом. Или напр. ставили "печать" к заднему проходу горящим куском резины, после чего человек кроме длительных мучений от образовавшегося ожога не мог испражняться по 10 дней и более и зачастую погибал от отравления или от

разрыва кишек. Там же применяли различные пытки электричеством, помещая заключенного на стеклянной плите. Или напр. помещали раздетого человека на неделю-две в подземелье, где на полу стояла лужа, а сверху на него беспрерывно капали канализационные воды.

В Новосибирске применяли особые крупные тиски, между которых сжимали в разных положениях голову напр. зажимая ее с боков, или же сверху и с подбородка, или же спереди и с затылка. Этими же клещами сжимали кисти рук, ступни, колени.

Естественно, что всеми этими методами воздействия вынуждали почти поголовно всех "признавать" себя "врагами народа". Пыткам в одинаковой мере не могли противостоять как простые крестьяне, так и наркомы (министры), как священнослужители, так и командующие армий, как учительницы народных школ, так и герои Советского Союза и люди, награжденные когда-то за храбрость, смелость, мужество десятком орденов. Так были добыты "показания" от легендарного командира корпуса Ковтюха (описанного в "Железном потоке" Серафимовича) и других прославленных командиров корпусов и дивизий. Такими же методами заставили "сознаться" прославленного секретаря обкома партии Румянцева, бывшего рабочего, члена партии с 1905 года, и бесконечное количество других, которые потом или были расстреляны на основании их "собственных показаний", или же осуждены на десятилетия заключения. Немногие обладали силой духа способной удержать их от самоклеветания. Конечно, абсолютное большинство их гибло, но кое-кто и остался в живых.

В июле 1938 года был применен новый усовершенствованный метод "следствия", заключающийся в том, что свежее-арестованного не отправляли в камеру, а прямо с воли бросали на пытки, где его мучали подряд несколько суток, не давая опомниться. Это сильно сократило время, требовавшееся раньше для того, чтобы человек "сознался". НКВД прекрасно изучило силу коллективной психологии. Оно заметило, что находясь в одной камере упрямцы подбадривают друг друга и сила их сопротивления не является простой арифметической суммой сложной из их "запирательств", а какой-то степенью этой суммы. Это был как бы крепко связанный веник, где каждый прутик был куда "упрямее", чем будучи взят в отдельности. Поэтому НКВД всячески разъединяло людей, могущих взаимно укрепляться духом. С другой же стороны оно группировало целые камеры "сознавшихся" из людей образованных, пользовавшихся до тюрьмы авторитетом, почетом. В такую камеру бросали упрямец с переломанными уже костями, но со стойким духом и "раскаявшиеся" набрасывались на его дух. И вот часто под влиянием разлагающей коллективной психологии одержимых манией самоклеветания дух человека слабел. И если такая личность в родственной своему духу среде была сильнее самого себя, то попав во враждебную его духу обстановку она

неизбежно становилась слабее самого себя, и часто настолько теряла духовную силу к сопротивлению, что на очередной пытке "сознавалась".

Очные ставки.

В этом же направлении применялись очные ставки. Спрашивается, какая очная ставка может быть между людьми, которым предъявлены обвинения построенные исключительно на лжи? Цель такой очной ставки и заключается в том, чтобы ослабить дух человека. Прежде всего лицо, которое уже "созналось" основательно инструктировалось перед тем, как встретиться с обличаемым им "соучастником". Этот "инструктаж" заключался в том, что "уличителю" точно указывалось что он должен будет говорить, грозя жестокими муками если он что-то скажет не так. Если же человек упрямствовал и не соглашался что-либо говорить из требуемого следователем, его подвергали соответствующим избиениям, душили за горло, прижигали и т.д. пока он не "согласится". Непосредственно после такой обработки начинается "очная ставка", к которой соответственно подготовлен и уличаемый посредством разного рода пыток. "Уличитель" и "уличаемый" имеют право лишь отвечать на вопросы следователя. При чем "уличитель" должен отвечать словами, внушенными ему перед этим палачом. Сперва обоим задается вопрос знают ли они друг друга и какие у них были взаимоотношения. Оба отвечают в двух словах знают или не знают и какими были отношения – "нормальными", "ненормальными", "служебными".

Затем "уличитель" обязан ответить на вопрос, что он из себя представляет. Он отвечает, что является "участником антисоветской организации". Какой именно организации, из кого состоящей и кем он "вовлечен" в эту "организацию" ему запрещается говорить. Затем его спрашивают, что ему известно о принадлежности к этой организации уличаемого. Он отвечает точно теми словами, которые ему были сказаны следователем, которые обычно гласят: "мне известно, что такой-то является активным участником нашей организации". Если же уличитель как-то смягчит, или по ошибке выпустит, например хотя бы слово "активным" его тут же одернет следователь или избьет до крови. В случае же отказа того формулировать как его учили, очная ставка будет прервана и уличитель очень дорого заплатит за этот срыв очной ставки. В случае ответа удовлетворяющего следователя, последний задает вопрос уличаемому – признает ли он себя виновным, будучи лично "разоблачен" уличителем? Если уличаемый отвергнет обвинение, как вымышленное, то, как правило, немедленно подвергается избиениям в присутствии уличителя. Его просьба записать предлагаемую им формулировку отрицательного ответа не удовлетворяется и сводится следователем лишь к слову "нет" или "отрицаю". Поскольку очные ставки иногда вместо признания уличаемого себя виновным вели к тому, что "уличитель" будучи ободрен стойкостью уличаемого в его присутствии начинает отказываться от всех своих показаний, как ложных,

добытых посредством пыток, НКВД начало часто практиковать "очные ставки" именуемые заключенными "ж...ми ставками", поскольку уличитель и уличаемый были располагаемы друг к другу спиной и на значительном расстоянии.

Провокации.

Так же, как и в работе сети осведомителей на свободе и в тюрьме провокация, переплетенная с клеветой, является краеугольным камнем "разведывательной" работы НКВД, так и в ходе следствия, основанная на лжи и фальсификации. Она занимает немалое место. Сюда в первую очередь надо отнести те многочисленные письма и отречения, которые пишутся родными, женами и детьми заключенному о которых говорилось выше. Случается, что отец, или брат, или жена, будучи давно арестованы, посредством пыток понуждаются писать письма в таком духе, как будто они находятся еще на воле. Но не всегда такие письма и отречения, как равно и собственноручные показания того или иного уличителя, иногда понуждающие заключенного "признать" себя "виновным" лишь бы отомстить родным-предателям или своему уличителю, бывают подлинными. Не раз лишь в последствии выяснялось, что такое "письмо" или "отречение" или "показание" было лишь ловко изготовленной фальшивкой. Для этой цели при НКВД всегда имеется достаточное количество тонко вышколенных фальсификаторов преимущественно из числа попавшихся подделывателей денежных знаков и разного рода документов. Сделанные ими фальшивые письма бывают столь схожи с почерком их мнимого автора, что сам автор не всегда может их признать произведением чужих рук.

В июле 1938 года стали применять вид провокации и иного рода. Во время "очной ставки" уличителю вручали резиновую нагайку и велели избивать уличаемого. Но так как уличитель обычно отказывался это делать, "следователь"-палач начинал жестоко избивать его самого. В результате находилось немало таких среди уличителей, которые принимались с остервенением избивать уличаемого ими человека. Таким же порядком понуждали избивать своих сыновей, жен, отцов. И часто случалось, что уличаемый долгие месяцы стойко державшийся не выдерживал такого рода провокации и оговаривал себя лишь с тем, чтобы самому стать уличителем и возможно больше нагородить на избивавшего его. Правда, иные умудрялись в отместку за избияния наговорить много на уличителя, продолжая по-прежнему отрицать свою виновность. Конечно, и так и этак НКВД изыскивало для себя пользу.

Дома умалишенных – отделения НКВД

Громадное количество заключенных вследствие тяжелых душевных переживаний и "конвейеров" становятся душевнобольными и отправляются в психиатрические больницы и дома умалишенных. По этой причине НКВД приходится заботиться как об охране этих заведений, так и о слежке за заболевшими

заклученными и о физической "обработке" их в домах умалишенных, для каковой цели НКВД подбирает туда соответствующие кадры и вербует работающих там к себе в тайные агенты. Психиатры завербованные какими-либо способами в тайные сотрудники НКВД основательно ему помогают, применяя такие "методы" лечения, что иной еще не совсем помешавшийся предпочитает вернуться в тюрьму и во всем "сознаться", чем терпеть те же пытки, но еще с разными шприцами, газами и т.д. Домами умалишенных часто пользуется НКВД для устранения своих сотрудников, или других лиц, которых невыгодно подвергать аресту. Объявив же их сумасшедшими и заключив в дом умалишенных всё тихо "улаживается" и они, оказавшись "буйно помешанными", вскоре "умирают". Проникнуть туда родственникам невозможно, так же как в тюрьму.

Окончание следствия

Следственное дело заканчивается, как только НКВД добилось от заключенного самооклеветания и "разоблачения" своих вымышленных соучастников в возможно большем количестве, или же, испытав всевозможные методы воздействия убедилось, что "признания" себя виновным от него все равно не добиться, а "обвинения" выдвинутые против него на основании "показаний" других лиц достаточны для предания его суду. Если эти обвинения слишком слабые, тогда его дело будет передано в "тройку", которая имея даже такое "основание", как "подозрительность", или "неблагонадежность" даст ему любой срок заключения.

При окончании дела заключенному дают возможность бегло прочесть накопившиеся обвинительные материалы. Если заключенный не признал себя виновным, то на него оформлено всего один-два протокола допросов. Такой протокол помещается на паре листов и составляется следователем в течении двух часов. Это все, что тратится на то, что, собственно, можно назвать допросом. Остальные же "допросы" занимавшие многие десятки, сотни, а то и целые тысячи часов заключались в разнообразном понуждении оклеветать себя. Если заключенный "сознался", то количество протоколов может быть также небольшим, и протоколы сами по себе не велики, но за то много листов могут составлять приложенные к протоколам собственноручные показания. Так известно напр., что некоторые партийные и советские чиновники, ученые, командиры и комиссары составляли свои повествования о "контрреволюционной деятельности" не только на десятках, но даже на сотнях листов, что зависело от силы нажима НКВД на подробности всех "преступлений", а также от фантазии заключенного. У простых и малограмотных людей собственноручные показания обычно отсутствуют и фигурируют лишь протоколы, составленные следователем и подписанные обвиняемым. Не раз случается, что протоколы подписываются без личного прочтения ввиду малограмотности, или же ввиду того, что без очков человек не видит, но понуждается силой к подписанию протокола после его прочтения следователем.

Помимо протоколов допросов обвиняемого в деле имеются протоколы очных ставок, если таковые состоялись, выписки из показаний уличителей напечатанные на машинке относящие к данному лицу, затем протоколы допросов свидетелей обвинения, находящихся на свободе. Кроме этого, смотря по характеру обвинений, в деле могут быть: акты о вредительстве составленные по заданию НКВД разными учреждениями или экспертными комиссиями созданными НКВД, выписки из разного рода заседаний, где говорилось о недостатках в работе, к которой имел прямое или хотя бы косвенное отношение обвиняемый, письма, дневники, стихи, рассказы в которых усматривается напр. "непролетарская идеология", письма полученные из-за границы от родственников. Одним словом все, что так или иначе можно использовать для обвинения если не в делах, то хоть в помыслах. Такие "обвинительные материалы" на среднего чиновника могут иногда составлять сотни и тысячи листов. Конечно, у простых людей папки обычно тонкие. Разумеется, что в качестве обвинительных материалов прилагаются обнаруженные при аресте портреты царей, правителей, полководцев, фотографии родственников или чужих людей, одетых в офицерскую или чиновничью форму старого времени, или духовных лиц, как ровно фотографии родственников, полученные из-за границы. Что касается портретов царей и полководцев, а также разных книг, то приложение их к делу в качестве обвинительного материала зависит от кремлевской погоды. Так, если в 1937-38 году портреты Петра Великого или Суворова не считались контрреволюцией, то несколько лет назад таковой считаться. Но чаще с портретами и с книгами было наоборот, т.е. то, что пару лет назад считалось советским, вдруг становилось контрреволюционным.

Следует специально остановиться на "экспертизах" производимых НКВД. Для этой цели НКВД создает экспертную комиссию из специалистов соответствующей области хозяйства, науки, военного дела, медицины и т.д. в зависимости от того, в какой отрасли заключенный работал. Спрашивается, для чего создается экспертиза, если НКВД не располагает ни одним фактом, свидетельствующим о вредительстве арестованного? Она создается для того, чтобы изобрести научно или технически обоснованные обвинения, которые подтвердили бы правильность действий НКВД, запланировавшего данному лицу обвинение во вредительстве. Отсюда и установка, даваемая со стороны НКВД экспертной комиссии: "Не может быть, чтобы не проводилось вредительство обвиняемым. Оно бесспорно проводилось, иначе он не был бы арестован. И комиссия обязана найти это вредительство." Таким образом, перед комиссией вовсе не ставится задача установить истину. Ей просто поручается создать фиктивный обвинительный материал, и она его создает, если не хочет оказаться в тюрьме. Основываясь на этом материале "научно" доказывающем "виновность" человека, его с тем большей жестокостью пытаются палачи, а суд присуждает к смерти или каторге. По всем так называемым "контрреволюционным" организациям и группам, сотни которых были выдуманы

НКВД по области, велись многочисленные “экспертизы”, подтверждающие "правильность" предъявляемых со стороны НКВД обвинений.

Однако, папки с обвинительными материалами это, так сказать, лишь лицевая сторона дела. Кроме них на каждого заключенного имеется еще тайная папка, называемая "особая папка" или "особый пакет". В этой особой папке сосредоточены все информации осведомителей о его настроениях, знакомствах, домашней жизни, материальной обеспеченности, о разговорах в камере, все данные его личного дела, которые велись на него спецотделом того предприятия или учреждения, где он работал, все ответы на запросы НКВД сделанные о нем по месту его рождения и по всем местам его работы или проживания как до революции, так и после революции, отзывы заграничного отдела НКВД о характере и частоте его писем за границу и разные прочие материалы дающие политическую характеристику заключенному и ближайшим родственникам его и его жены. Конечно, наличие репрессированного или находящегося пусть даже 50 лет за границей родственника будет иметь большой вес для политической характеристики заключенного.

С содержимым этой главной папки заключенного не знакомят.

После окончания следствия завершаемого специальным протоколом следователя, ход дела для заключенного остается совершенной тайной. По прошествии значительного периода времени иногда в 3 месяца и больше заключенный или же получает на руки обвинительное заключение свидетельствующее, что дело его передано в спец. суд, или же забирается из камеры с вещами, что означает осужденность его "тройкой", перевод в другую тюрьму, или освобождение. В 1937-38 году освобождались единицы из тысяч, но вовсе не потому, что они были невиновными. Это были или же особо ценные осведомители НКВД, которые нужнее на свободе чем на каторге, или же немногочисленные счастливицы, посредством которых НКВД вело разъяснение среди населения о том, что тюрьма НКВД – это попросту курорт и что обращение с заключенными на следствии идеальное, поэтому, мол, всякий "сознающийся" и присуждаемый к расстрелу или концлагерям является действительным преступником. Надо сказать, что результат этих рассказов "правды" об НКВД был изумительным, особенно в кругах партийно-комсомольских и околопартийных. Миллионы слепцов верили этим рассказам и узнавали правду об НКВД (без кавычек) лишь тогда, когда сами попадали в тюрьму.

Окончание следствия еще не означало, однако, что человек может ждать лишь суда. Если УНКВД получало из Москвы нагоняй за "либеральничанье" с арестованными свидетельствующий, что планы набора каторжников выполняются неудовлетворительно, то в таком случае всех не "сознавшихся", чьи дела уже были закончены, начинают снова таскать на допросы. То же делается, если поступили дополнительные улики против заключенного, опираясь на которые НКВД надеется все же выбить показания. Обычно это дополнительное "следствие" бывает

еще более жестоким чем первоначальное. Случается, что после нового окончания следствия оно возобновляется вновь и вновь.

Роль прокурора

Прокурор, которому согласно закона передается законченное дело для дальнейшей передачи его в суд, не играет ни наименьшей самостоятельной роли. С одной стороны он руководствуется одними и теми же директивами Кремля, что НКВД, партийные и правительственные органы, но лишь получаемые им по линии прокуратуры, с другой же стороны на месте первая скрипка принадлежит НКВД в решении любого вопроса. Даже так называемый "прокурор по надзору за НКВД" является лишь послушной марионеткой в его руках и поступает так, как ему велит НКВД. Поэтому роль прокурора сводится лишь к тому, что он помогает НКВД придать делу нужное юридически-законное оформление.

Роль суда

Руководствуясь теми же директивами, что НКВД и прокурор, суд стремится давать предельно высокие сроки наказания. Кроме того, по каждому заключенному он имеет неписанное мнение НКВД о приговоре, равносильное приказу, которому нельзя не подчиниться. С другой стороны, судьи являются коммунистами и за "либерализм" и "мягкотелость" к "врагам народа" они могут пострадать и от местного партийного комитета. Таким образом и суд лишен всякой самостоятельности и не может руководствоваться ни собственной совестью, ни советскими же законами, согласно которых лишь лицо совершившее преступление должно быть наказуемо. Суд же, заведомо зная о невинности людей, присуждает их к смерти или каторге, ибо он руководствуется не законами, а директивами создателей законов, стоящими над законами и свидетельствующими, что законы эти суть пустые бумажки, составляемые для обмана наивных людей.

Поэтому то в задачу суда вовсе не входит выяснение виновности или невинности заключенного. Не правосудие чинить призван советский суд, не правду защищать обязан он. Являясь агентурой власти и выполняя лишь поручаемую ему функцию, он призван лишь инсценировать "законные" судебные процессы над не повинными людьми. Если же заключенный попытается заявить, что его посредством пыток заставляли оклеветать себя, и что пытками же добыты "улики" против него от других лиц, суд запретит ему "клеветать" на НКВД или даже предьявит новое обвинение в контрревол. агитации имеющей целью компрометировать непогрешимые органы НКВД.

Случается иногда, что суд дело откладывает и направляет на "доследование", что означает новые еще более жестокие пытки для человека, в котором и так еле душа держится. Поэтому, большинство заключенных, не смотря на грозящий им смертный приговор, умалчивают о пытках и подтверждают на суде данные ими

на предварительном следствии показания, предпочитая смерть повторению пыток во время "доследования" именуемого заключенными "домучиванием" или "добиванием".

Расстрелы по приговору

Раньше приговоренных к расстрелу обычно увозили ночью в лес, где по одному выводили и на ходу стреляли в затылок. Трупы зарывали там же, а на утро люди гуляли по свежим могилам, не подозревая об их существовании.

Поскольку же в 1937 году количество расстреливаемых было слишком велико, оборудовали два подземелья – одно в городской тюрьме, а другое под зданием НКВД, устроив канавки, шланги для смывания крови и отдельные помещения для свалки трупов. Здесь НКВД имело возможность и время не только спокойно расстрелять приговоренного, но если он на следствии и суде не "сознался" в своей виновности, здесь перед смертью пытались добыть от него "признания", выкалывая глаза, вытягивая у живого кишки, сверля кости и т.д.

Энкаведисты-врачи привыкшие оформлять документы на замученных во время следствия, как на умерших естественной смертью, часто присутствовали при таких "операциях" своих друзей, а потом констатировали смерть от расстрела, которому часто подвергался уже готовый труп.

Очередное надувательство.

Когда многими миллионами новых каторжников были пополнены концлагеря, когда все бывшие руководящие кадры были заменены новыми, а народ был до предела запуган, не смея даже помыслить против тиранов, осенью 1938 года был убран Ежов, руками которого была проведена тогдашняя кампания террора. И волна террора пошла на убыль. Никто из выдающихся энкаведистов не был оставлен на своих местах, их быстро переводили в другие города и области. Дело было сделано и понадобилось реабилитировать Сталина и его опричников.

Для этой цели кое-кого из оставшихся в тюрьмах заключенных, которых не успели отправить на каторгу, начали освобождать (конечно, по усмотрению НКВД и взяв предварительно расписку о неразглашении тайн следствия под страхом смерти) и даже устроили кое-где судебные процессы над клеветниками введенными в "заблуждение" НКВД и являвшимися "виновниками" ареста невинных людей. Конечно, вокруг этих освобожденных единиц из тысяч, отправленных на каторгу или замученных, сделали большой шум восхваляя "заботливого" и "мудрого" Сталина и его НКВД, которые истребляя заклятых "врагов народа" освобождают невинные жертвы "вражеской провокации". Таким образом все получилось шито крыто, разрядка была сделана, миллионы обывателей еще раз имели случай быть мудро обманутыми и воздать хвалу "отцу и другу".

В то же время огромнейшие массы заключенных спешно отправлялись на каторгу будучи оформляемы через "особое совещание" НКВД.

Но если к осени 1938 года был выполнен грандиозный план по набору рабов-каторжников и по смене руководящих кадров и в этой части плана дело можно было спустить на тормозах, то были категории "врагов народа" по которым директива Сталина могла считаться выполненной лишь с их уничтожением. Это были в прошлом члены разных политических партий: эсеров, меньшевиков, сионистов, бунда и других. Это были офицеры царского времени, духовенство, заграничные специалисты и прочие, от которых нужно было окончательно очиститься.

Хотя состав УНКВД был совершенно новый, но этих людей продолжали "допрашивать" по-прежнему, а весной и летом 1939 года состоялись процессы над их "к/р организациями", часть осужденных была расстреляна, а часть получила большие сроки строгой изоляции. Хорошим свидетельством планирования арестов ни в чем невиновных людей является список в четыреста пятьдесят человек подлежащих аресту, но арестовать которых не успели ввиду последовавшего приказа о прекращении "набора" "врагов народа" и "раскрытия" "заговоров". В список входили как тогдашние партийные и советские руководители, так и военные чины, педагоги, инженеры и рабочие, т.е. представители всех категорий. Таким образом, случайно оставшись на свободе, эти люди продолжали работать на своих местах и их не трогали, ибо не за провинность они были включены в списки.

Осенью же 1939 года с началом войны с Польшей тюрьмы стали заполняться новыми категориями "врагов народа". Это были "шпионы", "самострелы", "агитаторы" против военных займов, дезертиры. Целые камеры были забиты польскими офицерами, которых со всем своим мастерством НКВД заставляло в чем-то "сознаваться", превращая их физиономии и прочие части тела в "отбивные" и "котлеты", а мундиры в грязные и окровавленные лохмотья. Среди них НКВД быстро нашло людей, которые по уже известным мотивам готовы были служить против своих же боевых товарищей и против своего народа.

Из вышесказанного еще раз следует, что дело не в том, кто является начальником УНКВД, наркомом, или министром ГБ, а дело в большевистской тиранической системе, опирающейся в первую очередь на ЧК-ГПУ-НКВД-МГБ, которое действует так, как ему велят сверху.

Каторжные тюрьмы.

Каторжных тюрем в стране к началу войны в 1941 года было очень много.

Типичным образцом советской каторжной тюрьмы является Пятигорская тюрьма на северном Кавказе. Железобетонное здание тюрьмы почти настолько же углублено в землю, сколько возвышается над землей, тем самым не особенно

бросаясь в глаза. Снаружи оно обнесено тремя стенами высотой в 3, в 4 и в 5 метр. с колючей проволокой наверху.

Заклученные размещались по этажам в зависимости от полученного срока наказания. Чем больше срок, тем глубже помещался заключенный. Так люди, которых приговорили к расстрелу и, будучи "помилованы", получили 20 лет каторжной тюрьмы находились глубоко под землей. Камеры маленькие – всего два шага на четыре. В такой камерке помещалось 15 человек. Режим очень жестокий. Заклученные обязаны были целый день сидеть на полу, подогнув ноги с руками сложенными ниже колен. Вытянуть ноги не разрешалось, за это нарушение режима садили в карцер. За дремоту бросали в каменный мешок. Разрешалось в порядке очереди ходить по камере лишь одному человеку. Все подымались лишь на обед и в уборную. В камерах и коридорах царила мертвая тишина, изоляция была абсолютной. За наименьшее нарушение установленного режима подвергали жестоким карам.

Упомянутый "каменный мешок" представлял из себя коническое цементированное углубление, сделанное в полу перед дверью, выходящей во двор и прикрытое железной крышкой. Провинившегося опускали туда, и он вклинивался ногами в конус не имея опоры и так висел. Над самой головой по железу без конца гремели тысячи ног. Часто из мешка извлекали сумасшедших.

Таким образом, пребывание в каторжной тюрьме являлось сплошной пыткой.

Допросы свидетелей обвинения на воле.

НКВД получало от всех без исключения организаций, предприятий и колхозов выписки из протоколов собраний и заседаний высказываниями разных лиц против арестованных "врагов народа". Пользуясь этими высказываниями, а также прочими данными, НКВД составляет список лиц, которых оно намерено привлечь в качестве свидетелей обвинения против арестованного, после чего вызывает их для допроса. Прежде всего от свидетеля требуют изложить все, что ему известно о контрреволюционной деятельности арестованного. Обычно свидетель излагает все ошибки, промахи, недочеты в работе которые могли быть совершены и не по вине арестованного. Следователь записывает выгодные для НКВД сведения, всячески сгущая краски, изображая дело так, что арестованный делал это умышленно, с контрреволюционной целью, и добавляет все, что находит нужным от себя. Если свидетель не решается подписывать такое свое "свидетельство", то следователь грозит ему, что если он не подпишет – будет рассматриваться как соучастник арестованного и также подвергнется аресту, а кроме того пострадает его семья. Большинство со страху подписывают сразу любые "свидетельства", о которых они и не слышали. Иные упрямятся и их держат на допросах целые ночи или инсценируют арест, закрывая их под замок, пока они не "соглашаются"

подписать протокол. Особо упрямых вызывают по несколько ночей сряду. Наблюдения показывают, что лишь 3-5% вызываемых таким образом свидетелей отказывались подписывать протокол, все же остальные подписывали. Перед судом свидетели вызывались в НКВД. Там им давали еще раз для ознакомления "их" показания, которые могли быть полностью забыты за многие месяцы, а то и год-два прошедшие со времени их составления. Они предупреждались, что если на суде отступят от этих протоколов им грозит арест. Естественно, что в суде они выступали в точном соответствии с этими протоколами.

Воинские части НКВД особого назначения

Кроме многочисленных войск НКВД для внутренней охраны, как напр. железнодорожных и прочих, существовали части особого назначения.

Неподалеку от Минска стоял расквартированный среди леса бронетанковый полк НКВД особого назначения имени Ворошилова состоявший исключительно из коммунистов и комсомольцев.

Когда в 1933 году во время голода в одной станице на Кубани изможденные женщины и дети начали рвать ранние огурцы, выращенные их руками на колхозном огороде, колхозное начальство набросилось на несчастных не успевших умереть от голода, ибо огурцы росли не для них. Появились мужчины и завязалась драка. Все же огурцы были на месте съедены, а в районное отделение ГПУ полетело сообщение о бунте. Приехав на место, энкаведисты кое-кого арестовали, а остальные мужчины скрылись в плавни, так как еще не забыли массовых расстрелов на станичных кладбищах, производившихся во время коллективизации в 1930 году.

Прошло три дня. Казалось, все успокоилось и люди вернулись в станицу. Однако, ночью прибыл полк НКВД особого назначения. Станица была окружена и посредством пушечных залпов, огнеметов и минометов сметена с лица земли со всем живым, что в ней было. Люди, в том числе маленькие дети, пытавшиеся бежать – расстреливались в упор.

Выполнив свое "особое назначение" полк до утра убрался. Лишь один этот полк имел на своем счету много таких кровавых расправ, а таким полкам НКВД знает счет лишь Сталин.

Охрана границ.

Население стокилометровой зоны, прилегающей к польской границе, было тщательно проверено. В то время, как в стране сельскому населению паспорта не выдавались и оно обходилось "колхозными книжками", в приграничной зоне все получившие разрешение остаться на постоянное местожительство, получили паспорта с особыми отметками. Полукилометровая полоса, непосредственно

прилегающая к границе, была очищена от населенных пунктов, деревьев и кустов. В пограничных колхозах мало кто остался из коренного населения. Оставлялись лишь те, кто готов был служить НКВД и пользовался его доверием. Эти колхозы заселялись преимущественно демобилизованными из войск НКВД. Никакой чиновник, в том числе и партийный, не мог приехать в 100-километровую приграничную зону без специального разрешения НКВД, в котором указывалась цель поездки, место и срок.

Все приезжающие из-за границы, как равно и едущие за границу, подвергались самому тщательному обыску. Если возникало наименьшее подозрение, человека раздевали догола и подвергали унижительной проверке залезая во все проходы, и т.д. Это делалось как с мужчинами, так и с женщинами. Кроме того, вскрывали обувь, одежду, стенки чемоданов и разные предметы, погибающие от такой операции. Иногда такое заподозренное лицо передавалось в "обработку" оперативным органам. В последние годы все перебежчики (если только их перебежка не входила в специальные планы заграничного отдела НКВД) передавались оперативным органам НКВД, где "сознавались" в своих шпионских или диверсионных намерениях и уничтожались.

Тайная сеть НКВД.

Каждый начальник районного отделения НКВД, как и прочие сотрудники знают, что за ними следят тайные агенты высших управлений НКВД. В свою очередь начальник областного УНКВД, как и прочие сотрудники знают, что каждый их шаг контролируется целой сетью тайных агентов комиссариата НКВД действующей параллельно с открытыми органами и контролирующей их наряду с контролем за работой органов партии, власти, воинских частей и т.д. Эта сеть имеет своих агентов так же в самых низах.

Кроме того, имеется особая абсолютно засекреченная сеть Сталина, руководимая лично Поскребышевым и комиссариату НКВД не подчиненная. Можно полагать, что таких сетей есть несколько существующих параллельно.

Кроме всех этих тайных сетей для осуществления большего контроля за работой областных управлений НКВД, с приходом на пост наркома НКВД Берия, был введен открытый штат особоуполномоченного НКВД СССР по каждой области. Характерно, что на этот пост назначалась исключительно молодежь – даже 22 лет.

Секретные заводы и строительства

В Смоленске было несколько таких мест (преимущественно в глухих улицах и переулках), где стояли у ворот домов часовые, не позволявшие публике проходить по тротуару. Все считали, что в этих местах находятся военные склады. Однако лишь часть из них была в действительности складами. Остальные же были засекреченными военными заводами, занимавшими целые кварталы. Большинство

рабочих и ИТР (инж. техн. работников) жило и обслуживалось всем необходимым находясь на казарменном положении, т.е. не имея права без специального пропуска уходить за ворота. Поэтому, со стороны незаметно было какого-либо значительного движения людей.

Кроме этого, имелись военные строительства, которые официально числились под маркой строителств разных гражданских комиссариатов.

ИТР, рабочие и служащие, как эти строительства, так и на заводы, подбирались с исключительной тщательностью, при наличии обязательного поручительства коммунистов, а также с обязательным заполнением спец. анкет и длительной проверкой со стороны НКВД. Если кто из работающих оказывался заподозренным в неблагонадежности, он неизбежно уничтожался НКВД. В то время, как в 1940 году даже весьма ответственные областные и городские чиновники (кроме партийных и правительственных), как напр. управляющие банков с трудом доставали себе пропитание, обычно командирова кого-либо за продуктами в Москву, на военных заводах и спецстроительствах даже рабочие могли покупать для себя разные продукты в достаточных количествах. Зарботки там также были несравненно выше, чем на обычных заводах и стройках. Это было так наз. спец. снабжение и спец-ставки.

При этих заводах и строительствах, как равно и при всех прочих имеющих военное значение заводах, железнодорожных депо, станциях и военных городках, уже в 1936 году были сооружены бомбоубежища с телефонной сетью, с водопроводом, канализацией, с запасами продовольствия, медикаментами, радиоустановками.

Такие же заводы и строительства были в ряде других городов области, а бомбоубежища, которые являлись такой же тайной, как военные заводы, были во всех районных центрах области.

Точно то же было и в других городах страны.

Школа связных для заграницы.

Много бывших лучших имений в области находится в распоряжении НКВД и в них устроены разные школы.

Одна из таких школ готовила тайных курьеров для связи со шпионами, работавшими в Польше.

Насколько известно, для этой цели подбирались надежные коммунисты из числа поляков, евреев, да и других национальностей в совершенстве владеющие польским языком. Из своего место работы они уезжали якобы куда-то в командировку.

На курсах изучалось все необходимое для того, чтобы человек оказавшись за границей ничем себя не выдал бы. Так напр. изучались законы, обычаи, цены, модные песни и даже танцы. Тщательно изучалась местность, куда должен направляться связной. Изучалась техника перехода границы и 2-3 возможных маршрута. Состав курсантов был подобран так, что никто из них друг друга не знал. Фамилии их на курсах были засекречены и каждый имел свою временную кличку. Изучение местности и маршрутов, как равно и поручаемого задания производилось с каждым индивидуально. Обучение происходило несколько недель.

Последняя подготовка и инструктаж производился на пограничном пункте НКВД, где есть специальные сотрудники заграничного отдела НКВД. Там же курьера снабжали польским паспортом, одевали и обували в костюм и обувь польской марки, снабжали часами и компасом соответствующих марок, тоже папиросами, спичками и прочим, большой суммой польских денег и переводили через границу. Курьер предупреждался, что его измена, или же раскрытие себя в случае ареста, грозит гибелью его семьи. Дальше он был предоставлен самому себе. С лицом, к которому курьер направлялся ему запрещалось вступать в разговоры. После взаимного установления личности посредством применения пароля курьер принимал пакет с сургучными печатями и отправлялся обратно. Из трех известных автору курьеров, один углублялся на расстояние около 30 километров, другие двое около двадцати.

Курьер имел соответствующее указание как поступать с пакетом в случае опасности. Из указанных троих один побывал за границей 8 раз (женщина инструктор райисполкома, полячка), один 7 раз (поляк, директор мельницы), и один пять раз (еврей парикмахер). Одному из них на обратном пути из предосторожности пришлось сидеть по горло в болоте почти сутки, другому целый день в реке. Но пакеты во всех случаях были доставлены.

В 1937-38 году много этих курьеров было арестовано НКВД. Будучи подвергнуты пыткам, они "сознавались", что шпионили в пользу Польши. Большинство из них было осуждено.